

ИСТОРИЯ: О РНОЙ: САМОЗВАНКИ

К. Р. Х. М. Е. Ш. Н. И. К.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛИС

Терри Лис

**История одной
самозванки. Кромешник**

«Автор»

2026

Терри Лис

История одной самозванки. Кромешник / Терри Лис — «Автор»,
2026

Возвращаясь после долгого отсутствия на родину, Данимир Адалин, наследник одной из знатнейших семей вампирского королевства, а по совместительству – коронный лазутчик, известный, как Упырь, обнаруживает в проклятых пустошах родного приграничья колдовские знаки. Упырье государство умирает, слепы подданные, королевой синеглазой околдованные. А те, что прозревают, в Башнях Северных гниют да в болотах тонут. Далеко ходить не надо: брат его младший той королевой очарован, стихи пишет, дамой сердца мнит. И не на кого положиться в родной земле. А королева синеглазая союз с заклятыми врагами уж заключить готова. Только под маской союза придут на земли вампирские истребление, костры и дыбы. А пуще того – ворожба тёмная, которой колдуны-ллакхары силы мрачные призывают. И силы те уже взяли след, кошмар с явью заплетая да Упыря путая.

Содержание

Кромешник	6
Часть 1. Упыри	8
Глава 1. Еретник	9
Глава 2. Выжлец	13
Глава 3. Волколаки	17
Глава 4. Калейдоскоп	23
Глава 5. Псы Иргибы	28
Глава 6. Похоронная Седмица	31
Глава 7. Стиллет	35
Глава 8. На берегах Багрянки	39
Глава 9. Железозубые	42
Часть 2. Крамола	44
Глава 1. Почтенное семейство	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Терри Лис

История одной самозванки. Кромешник

Mundus vult decipi, ergo decipiatur¹.

¹ (лат. «мир желает быть обманутым, пусть же он будет обманут») – выражение, приписываемое в «Historia sui temporis» де Ту (кн. XII) папскому легату Караффе (позднейшему папе Павлу IV, † 1559).

Кромешник

... Чертополох нам слаще и милей

Растленных роз, отравленных лилей.
Уильям Шекспир. Сонет 94. Пер. С. Маршака.

Часть 1. Упыри

«Беру я от дупла осинова ветвь сучнистую,
обтешу орясину осистую, воткну еретнику в чрево поганое,
в его сердце окаянное, схороню в блате смердящем,
чтобы его ноги поганые были не ходящие, скверные его уста
– не говорящие, засухи не наводящие...»
Заговор супротив "опивца зубастого, головастого,
как гадина, еретником именуемого", Симб. Губ.

Глава 1. Еретник

– Гля, какой! Вот те Хозяина Солнца знак, виритник², холера железнозубая! – суеверно обмахнувшись затверженным движением, прошипел рыжий молодец в расшитом узорчатой тесьмой суконном кафтане и пихнул локтем белобрысого дружка, притаившегося рядом.

По обезлюдевшей околице со стороны корчмы неспешно брёл долговязый, с виду крепкий, будто выдубленный путник, одетый не на здешний лад: в высокие смазные сапоги, зеленую тунику и кафтан для верховой езды. На проклёпанных железками, перекрещенных ремнях пояса блестели цепи в три ряда – первый признак господина – и ремешки для ножен, на счастье, порожние. В ворота туники болталось с дюжину нарядных цацек, ровно у девицы или колдуна, а в ухе завлекательно горела самоцветная серьга.

– Уж ладно! – приглядевшись, промямлил белобрысый и чуть косоглазый ученик гончара, пригибаясь ещё ниже. Растущие по ту сторону плетня лопухи не казались таким уж надёжным укрытием от напасти. Виритники имели паскудное обыкновение зреть сквозь стены, чуют живую кровь издали и морочить взглядом. – Да и откуда бы?

– Из лесу! – рыжий цыкнул щербиной на месте выбитого зуба. – Балий³ сказывал: надесь заехал да в корчме уже набедокурил, стервь! И колодезь потравил! Сглазом да плёвом!

– Ох, Деян! – ужаснулся будущий гончар, дёргая дружка за край кафтана, чтоб тот не высовывался. – Почто знаешь?

Рыжий Деян самодовольно усмехнулся, подкрутив едва отросшие усы:

– Балий! – важно сообщил он, снова заглядевшись на дорогу. – Он-то сам видел, в лозняке сидел!

То, что балий Водовит сидел в кустах возле колодца, никого не удивляло. Известное дело, на то он и балий, чтоб чудодеть да напасть загодя высматривать. Но вот холера мимоезжая, глазастым старцем уличённая, вдохновения не вызывала. Смурной мужик за версту смердел проблемами, как заводь – тиной и гнильём. По выправке, по платью, по равнодушию, с которым пришлый брёл вдоль заплотов и едва оперившихся черёмуховых кустов – по всему выходило, непростой гость завернул под кветень⁴ в их тихое обомшелое Хуторье. С запылённых голенищ едва осыпался присохший по пути суглинок, а на бледном, безбородом лице застыло выражение жестокое и собранное, отчего безоружный путник выглядел опасней поднятого с берлоги шатуна.

– И что ж нам делать-то? – тревожно озираясь на спасительное крыльцо избы, прошеле-стел подмастерье гончара.

От забора пахло прелой древесиной и молодой травой, дёрном и слегка компостом, от рыжего – горячечным азартом и бедой.

– Извести! – Деян стиснул кулаки. – На вилы тварь, да за околицей и закопаем книзу брюхом в шалге⁵. Жилы главное подсесть, не то выберется... – добавил он мрачно, рыща взглядом в поисках орудия.

– Да боязно чего-то, Деян! – заскулил будущий гончар, выглядывая сквозь щель на дорогу. Бродяга, чернявый, ровно головёшка, на ходу задумчиво вертел на пальцах очередную побрякушку. – Авось, сам сгинет?

² Еретик, колдун.

³ Он же волхв, зелейник, колдун.

⁴ Месяц, примерно соответствующий апрелю.

⁵ Большой лес, дровосека.

– А коли нет? – возмутился рыжий. – Ходят по долам да весям виритники-волколаки, волхиты⁶ прибудные, озев⁷ наводят да скотину портят, а то и девок. На днях-от Бажай Шесток, коробейник старший, умом тронулся. Заблажил про ворожбу да кобылиц чёрных, на журавль колодезный взлез да спускаться отказался. – Белобрысый ошеломлённо вытаращился на дружка. Деян многозначительно покивал. – Как сняли – ослеп на оба глаза, тряся весь да вонял преотвратно. А друзья сказывали, накануне ещё гулял да бочонок горькой на спор сам-на-сам приговорить похвалялся. Сглазил молодца стервь проклятый! И тебя сглазит!

Гончар отшатнулся и упал бы на траву, кабы не стена сарая позади.

– Тем паче боязно! – сплюнув, прошипел он.

– А балия благословение на что? – фыркнул рыжий ядовито.

Белобрысому отчаянно захотелось ответить, на что оное сгодится точно, но мстительный старик Водовит, прознай про эдакое красноречие, точно насрал бы на беспутного отрока обидную и стыдную хворобу.

– Так пушай его тот балий и мордует! – пробурчал он, наблюдая, как Деян примеривается к прислонённому у поленницы дрыну.

– Ох и баляба⁸ ты, Сошка! – рассмеялся шёпотом рыжий. – Потому тебя девки и не любят! – Белобрысый обиженно оттопырил губу, но смолчал. – Щас мы народ поднимем, – распорядился Деян, ловко забравшись на забор верхом. – Беги к корчме, коль трусишь. Да пришли сюда Зорана-кузнеца. И пусть топор захватит! Скажи, еретника потречно извести!

– Вот бешеный ты, Деян... – восхитился Сошка, подавая дрын.

Рыжий ухмыльнулся, помахал орясиной, как волхв посохом на Боев день, и молодецки засвистел в два пальца.

Дрын, ткнувшийся в укатанную тележными колёсами пылюку, преградил дорогу бродяге в сапогах. Чернявый поднял на оседлавшего забор свистуна загодя прищуренные, паскудно посветлевшие глаза.

Деян мрачно ухмылялся:

– Слышь... мил человек, – цыкнув зубом, начал он, недвусмысленно постукивая тяжёлой палкой. – Ты того, куда путь держишь?

– Прямо, – хрипло отозвался «мил человек», исподволь озираясь: на пустынной околице откуда ни возьмись появлялись люди. Пока чуть поодаль, беседой дурковатой якобы не интересуясь.

– Эх, беда, – притворно загрустил Деян. – Тут, понимаешь, какое дело: вот именно прямо тебе и нельзя!

– С чего бы? – в тон удивился путник.

– С того, что ты, погань, волколак!.. – Рыжий щедро плюнул пришельцу в ноги, чудом не замарав смазных сапог. Подкованную обувь Деян уже решил, расправившись с нечистым, забрать себе.

– С какого ляду? – внезапно развеселился обвиняемый. – Волколаков, что ли, не видал?

– Видал-видал, еретник, не сумлевайся, – тоже рассмеялся рыжий. – Вот прям щас его перед собою зрю! А ты, стервь, зубы мне не заговаривай! Ужо, вон, цепу стибрил посередь бела дня. То воровством зовётся. Аль ты не знал?

– Совсем сдурел? – чернявый вздёрнул выскобленный подбородок. – Или ты от рожденья хворый?

Деян, крикнув, бодро спрыгнул с облюбованного насеста в лопушки. И, благополучно на дорогу выбравшись, подобрал дрын:

⁶ Волхв, кудесник, волшебник.

⁷ Сглаз, порча.

⁸ Рохля.

– Вот щас баляя с кузнецом дождёмся и посмотрим, кто тут хворый, – пообещал он, разглядывая путника вблизи. Как есть еретник, тут и слепой бы не ошибся.

На бледной коже угловатого лица белели тонкой сетью аккуратно срощенные шрамы, под тяжёлыми бровями полыхали рыжие, потихоньку разгоравшиеся нездешним пламенем глаза. Серьга в ухе, притенённая растрёпанными чёрными вихрами, тоже подозрительно мерцала, ловя несуществующие блики.

– Рылом тощий, башкой чёрный! – прокричал Деян односельчанам, уже обступавшим говоривших разномастной гурьбой. – Как давеча нам балий сказывал? Волхит приبلудный осуду навёл! Вода в колодце черным черна стала, попьёшь её – так в миг и околеешь!

Бабы согласно заголосили. Старик Лель заворчал про «болотный упыриный мор», стискивая прихваченные с подворья вилы.

Обвиняемый возрился на обнаглевших поселян:

– Какая сказочная чушь, – восхитился он сквозь зубы. – Сдался мне ваш колодец...

– Сознавайся, погань! – пригрозил дрыном рыжий.

Еретник, смекнув, что отпираться смысла нет, оскалил клычищи. Не железные, но уже и не человеческие. Челюсти разъехались и удлинились, запавшие щёки обтянули кости поскверневшей образины. Чёрные вихры зашевелились помимо вдруг притихшего ласкового ветерка. Прозрачные весенние сумерки резко потемнели.

– Волколак! – ахнула румяная Беяна, отступая за спины мужиков.

– Упырь! – поправил, наставляя вилы, Лель. – Ох, зараза! Поди, долинный, погань!

Старик разбирался в деле не хуже куда-то запропадившегося Водовита.

Деян слегка попятился: долинных упырей – навий – побаивались неспроста, но этот, пусть и злобный, оказался в толпе вооруженных поселян без клинка, с одними серебряными цепушками. Теперь главное – не дать нечисти себя заморочить.

Рыжий тоже оскалился, широко обмахнувшись охранным знаком:

– Думаешь, коли ты железнозубый, управы на тебя не сыщется? Ты ж безоружный, – ехидно подмигнул он упырю.

– Дай пройти, – глухо приказал тот, неуловимо подбираясь. – Никто не пострадает.

– На вилы гадину! – зычно гаркнуло со стороны корчмы.

Из-под стрехи выпорхнули перепуганные птахи.

Балий Водовит, мышастый дед в потрёпанном кафтане, спешил по улице, воздев посох с дощечками над пегой головой. Следом размашисто шагал кузнец Зоран в кожаном фартуке, вооружённый здоровенным топором; семенил сбледнувший Сошка с косой и баба Звана с венником наспех перемотанных бечёвкой трав.

– Идите к ляду, – возмутился упырь, отпрянув от первого тычка. – Я ж вас не трогал!

Второй удар прилетел в скулу, но нечисть лишь щёлкнула зубищами и зарычала.

– Дави поганца! – рявкнул Водовит, потрясая примотанной к посоху трещоткой. Резкий стрекот перебивал даже ропот собравшейся толпы. – На вилы мразь виритную!

Мразь виритная, предсказуемо обозлившись, отмахнула руками, без видимых усилий, даже не прикасаясь, раскидав селян по придорожным лопухам. И рванула вдоль заплота, плеща вихрами. Деян, чудом удержавшийся на ногах благодаря воткнутому в землю дрыну, припустил следом. Зоран и боевитый Лель не отставали.

– Камнями его, гадину! – оглушительно командовал балий, стрекоча посохом. – Дави!

Виритник, схлопотав булыжником в спину, огрызнулся и пронзительно засвистел. Толпа, покотившая следом за беглецом, дружно присела, готовясь к новой напасти.

От корчмы, шибая копытами зазевавшихся да тараня крупом нерасторопных, по околице неслась здоровенная тварь, размерами и статью, а также выражением плотоядной морды вполне годная бесчинствовать по большакам и без хозяйского призору. Следом бороной воло-

чился кусок выломанной с мясом коновязи. Горланное ржание больше напоминало рёв горного обвала.

Мастью нечистая коняга была вороной, оскаленными клыками – плотоядной, а зенками алыми – безумной. И мысли у поселян вызвала общие.

– Бажаева Кобылица! – заголосили, обмахиваясь да соседей оплёвывая, хуторчане.

– Чёрная!

– Хозяин Солнца нас упаси!

Притороченная у седла сабелька тоже воодушевлению не способствовала. Деян, вытянув бестию дрыном вдоль хребта, отпрыгнул из-под копыт. Зоран, попытавшийся подрубить упырю ноги, огрѐб пинка и откатился в лебеду. Ушибленный рогатиной и потыканный вилами еретник изловчился заскочить в седло и, скрипя зубами, задал коню шпор. Ещё и сапожищами подкованными страждущих на ходу отпихивал.

Воронок, взревев на зависть всем окрестным звероящерам, рванул на север по мосткам пересекавшего Хуторье ручейка.

– Пушай драпает, сдыхоть! – сорванный басок Водовита сквозил злорадством. – Камнями его!

Вампир прильнул к конской шее:

– Пшли б в Заземье, межеумки! Поубиваю ж ненароком!

Но в Заземье поселяне следовать не пожелали, даже в присоседившуюся Зелѐную Хмурь свернуть не подумали, а, сопроводив позорное отступление шквалом бросков, ломанулись следом вымуштрованной «свиньѐй». Видел бы то упырь – прослезился под впечатлением.

– Позѐмыш! – рявкнул он, явственно ощутив пустоту в притороченной к седлу кожаной суме.

В зашибленной голове шумело, по виску текло, а к рассечѐнной скуле пристали волосы. Но заколдованную зверушку бросать в этой дыре не следовало.

Горноста́й с кожаным ошейником спутника кубарем слетел с конька ближайшей крыши, взвизгнул и заюлил в полѐте. Еретник ухватил его в воздухе, поразившись клятотой меткости заполошных поселян, не иначе, на крысах всю зиму тренировавшихся.

Вампир намеревался возмутиться чуть очевиднее: порядку ради да в назидание потомкам пригрызть парочку особо ретивых остолопов иль саблей посець. Но очередной булыжник крепко саданул беглеца по затылку, испоганив затею на корню.

Упырь, кратко охнув, ничком ткнулся в конскую шею, отчего жеребец лишь надал ходу, разворотив хлипкий плетень на выезде с селища.

Деян, провожая улетающую в Холмы тень взглядом, сердито плюнул твари вслед:

– Конѐм обернулся, стервь! Истаял, что твой снег... и сапоги унёс!

Глава 2. Выжлец

Воронок гладким намётом нёс седока в Голые Земли – безлюдные просторы на юге Ветряного кряжа, где малые хребты-отроги сменялись холмами и плоскогорьем, а в вереске шуршал привольный ветер.

Над торфяными пустошами княжеским шатром раскинулся дочерна синий, звонкий небосклон, искристый от холодных звёзд в прорехах облаков. Над топляками Хмури его пятнали рдяные сполохи зарниц, а на востоке – мерклое зарево, источаемое Каменной Засекой, зачарованным рукотворным валом.

Чёрный жеребец летел через прошлогодний сухостой, кроша полые стебли, прочь от занозистых плетней и крикливых поселян, едкой вони людских жилищ и пролежавшего чуть в стороне разбитого тракта, пропахшего лошадиным потом и навозом. Хозяин, кулём обмякнув на седле, от падения удерживался лишь чудом и направлять воронка не мог.

Голые Земли к ночи превращались в поле волчьей, а то и волколачьей брани. Оголодавшие по зиме стаи грызли меж собой с чисто людской непримиримостью. Край прослыл вурдалачьим, и славу ту заслуживал. Упыри лютовали на торфяниках, с Зелёной Хмури, гиблых намороченных болот на западе, расползалась и другая нечисть: жмари, шиши, утопцы, мертвяки и карачуны, страховидла всех мастей, нахальные по безнаказанности, как пришлые негодяны⁹.

Не планировал изгнанный поселянами навий в такой компании ночку коротать. Собирался переждать до рассвета в Хуторье, а там в галоп до самого Поста, за день пустоши пересечь да на заставе вечерять с гвардейцами. Кабы не клятый балий.

В седле упыря растрясло.

Сознание возвращалось неохотно, окрестностью разочарованное. Да и кровь не спешила останавливаться. А пустошь вокруг, изрытая оврагами и заросшая колючим непотребством, наводнялась урчанием. Выкатившаяся на небосвод луна, щербатая и блёклая в предвкушении дозора, окатила холмы млечно-голубым, как саваны полуночниц, светом, картинкой не заинтересовалась и проворно нырнула за рыхлые облака.

Голоземье почернело.

Одухотворённый, переливчатый и густой, что каша, волчий вой «еретника» взбудрил.

Беглец пощупал затылок. Ушибленная голова гудела, а пейзаж, затейливо темнотой задрапированный, но, погань такая, узнаваемый, навевал тоску. «Щас сбегутся, – понял путник. – Кровищей до самого Заземья прёт».

На горизонте, всё ещё слишком далёкие, дабы воодушевить, обозначились занозистой чертой горы. Вампир стянул ворот туники, ёжась в распоротом хуторчанами кафтане. По ночной поре проклятые пустоши индевели окороком в леднике, и пахнувший замороженным прахом северный ветер легко проникал даже под шерстяные плащи, подбитые мехом. Что говорить о суконной одежде.

Приметив распадок без признаков захоронений, вампир свёл коня по зараставшему голубикой отлогу и даже принялся разводить костерок, когда в спину ударила волна дымно-сладкого воздуха с примесью заморских воскурений.

Путник отступил к коню, проворно затоптав едва затлевший в ямке мох. Зыркнул на притороченную у седла саблю.

В Хуторье он нарочно не перевесил оружие на пояс, намереваясь тем самым усыпить бдительность впечатлительных завсегдатаев корчмы. Фокус не удался. Живущие промеж бескрайними гиблыми болотами и Голоземьем люди выучились воинственной осмотрительности.

⁹ Купцы, торговцы.

Рыжий молодец с дубьём чуть было не лишил вельможного вампира парочки зубов, а ушлый бабий втихаря почти стянул один из амулетов.

«Еретник» сердито потёр саднящую скулу, отгоняя наваждение: в глазах плавали витиеватые узоры, а окрестность становилась всё неприветливее. Как в Голоземье очутился выжлец¹⁰, выученный колдунами охотник за нежитью, беглец не знал. По Мрачным Холмам Псы не шарились, здешней нежити здраво опасаясь. Да и не мог шарлатан хуторской с букетиком поганок на груди такого переполоха поднять. Не чуял вампир в Хуторье иргибской шоблы.

Позёмьш, разделяя хозяйское настроение, нервно шебуршал за пазухой. Узкая мордочка ткнулась в воротник. Унюхав в стылом ветре волколаков, горностаи неодобрительно чихнул. Юркий зверёк в кожаном ошейнике спутника, окольцованный обсидианом, клеймённый в Каменной Розе, на правиградской ярманке или в Златых Вёрстах Дзвенцка пошёл бы по цене табуна добрых коней. Позёмьша, как и всех спутников, взрастили чародеи в замковом зверинце. И заколдованный горностаи отменно чуял вражеские чары.

Вампир нашупал рукоять сабли, ободряюще похлопал по крупу сердито всхрапывавшего коня.

Не по вкусу ночные прогулки по Мрачным Холмам ни колдунам, ни выжлецам. Вместо изничтожения злобной нежити опустевших земель те по городам промышленяют, оборотней оседлых ловят, вампиров-одиночек мордуют за солидную плату. Да только каждую ночь в том же Затопье люди пропадают, да и в Горкморье, хоть за крепостными стенами, жизнь несладкая и короткая. Зато борцы со злом всегда свой хлеб с маслом имеют. А то и каравай с медовухой.

Ветер стих, а перед вампиром возник надменным привидением долговязый, поджарый колдун в подбитом кунице, узорчатом плаще, с дюжиной серебряных цепей при поясе и в кожаном ошейнике, травлёном чародейными значками. Раскосые лукавые глаза отливали холодной, светящейся во мраке синевой и шурились недобро. Зачаток недоверчивой ухмылки кривил губы. Зачёсанные назад русые вихры удерживала костяная фибула с Морской Змеей. Хоть и с глазами морехода, ни дать ни взять, столичный кавалер из Семи Ветров, а в изничтожении виритников колдун поднаторевший.

К тому же, хорошо вампиру знакомый; Выжлецом за особые ратные заслуги прозванный и, вот диво, ничуть тем не тяготившийся. Хотя обыкновенно знатные колдуны презирали Псов Иргибы, за гроши выполнявших грязную работу.

Этот колдун был очень знатным, но с прозвищем смирился.

Нрав чароплёт имел для своего ремесла подходящий, ушлый, а ум – изворотливый. И всё же среди собратьев выгодно отличался сметкой, допускавшей подобие дружбы с объектами охотничьего интереса вне службы и приказа.

Справившись со спазмами и головокружением, «еретник» покрепче перехватил рукоять сабли.

– Здорово, Упырь, – помахал амулетом колдун, одёргивая полы щеголеватого плаща, запутавшиеся в сухих колючках. – Чё морду скорчил? Не признал?

– Признал, – пожал плечами вампир, позы не меняя.

Колдун отряхнул с броского, расшитого тесьмой кафтана несуществующие соринки и распрямился:

– Гуляешь, что ли, упырюга?

– Гуляет ветер по околице, я – путь держу, – мрачно буркнул тот, не понимая причин веселья. – Подойди поближе да поклонись пониже.

– Ого. Чего это мы не в духе? – Выжлец благодушно рассмеялся, пристальнее разглядывая помятого знакома. Подвижное лицо отражало насмешливое недоумение пополам с любопытством.

¹⁰ Гончий кобель. Просторечное название Псов Иргибы на службе Семи Ветров, осуществляющих охоту за нечистью.

– Спроси чего поумнее, – прозванный Упырём смотрел не ласково.

Колдун спрятал погасший амулет и огляделся:

– Ну да, Голоземье. Так ваш же, вампирий выгон¹¹. – Вампир поразмыслил, стоит ли намекать нечестивцу, насколько не ко времени его домыслы, но промолчал. – Ладно тебе, – миролюбиво продолжал колдун. – Это ж моя работа – не забыл, часом?

– Твоя работа мимо с распушённым хвостом бегаёт да по мою душу воет, – напомнил Упырь прохладно.

Неподалёку, ровно в подтверждение, как раз заворчал неупокоенный мертвяк.

Колдун пожал плечами, присел на корточки рядом с жалким кострищем едва в пядь величиной. Фыркнул, по достоинству оценив отопительные способности сооружения, сострадательно глянул снизу вверх на Упыря. Позёмыш, высунувшийся из-за пазухи, нюхнул беллемлинских благовоний, пропитавших Выжлецов кафтан, и спрятался обратно. Вампир продолжал степенно разглядывать обомшелые кочки пологого ската, подчёркнуто избегая сочувственного взгляда колдуна.

– Я тебя в Хуторье учуял, – сообщил Выжлец, покачиваясь с пятки на носок в высоких сапогах из тонко выделанной кожи. – Думал, там и заночуешь. – Упырь не ответил. Выжлец, подождав, понимающе хмыкнул. – Ускакать в Голые на ночь глядя без поклажи и плаща – даже для тебя странная затея. – Избранная колдуном ненавязчиво-вопросительная манера на Упыря никогда не действовала. Выжлец капитулировал: – Что за вожжа тебе под хвост попала, чудо клыкостое? И чего ты какой... помятый? Скула разбита, весь в кровище...

– Люди, – невозмутимо откликнулось чудо. И, подумав, ехидно присовокупило: – Добрые, что примечательно.

Колдун присвистнул.

– Чё, так просто и напали? – не поверил он. Лукавый прищур окончательно превратил синие зенки в блескучие щели.

– Ватажкой, – вампир с непроницаемым лицом развёл руками. – Балий им наплёл, что я колодец отравил.

– А ты травил? – подозрительно уточнил Выжлец.

Упырь покивал:

– Ещё бы. – Его глаза тоже воссияли. – Три ночи кряду в него плевал, чтоб уж наверняка. Потом ещё и помочился сверху.

Колдун рассмеялся, прихлопнув по коленям холёными ладонями. На узких пальцах перебивался самоцветный перстень и гербовая печать. Гривна в вороте расшитой шёлковой туники призрачно мерцала. Все цапки Выжлец, не будь дурак, насытил колдовством загодя, иначе б и не сунулся в Холмы.

– И что, добрые поселяне решились на долинного вампира покуситься? – всё ещё не верил он. – Гвардейца Лучистого Стяга, Высшего по праву рождения?

Вампир лишь пожал плечами:

– Им-то откуда знать? Для них всё, что с зубами – еретник. – Колдун солидарно покивал. Упырь усмехнулся. – А что там с правами рождения – кто в долах да весях разберётся? Ежели при кошеле, и ободрать можно.

Лёгкий ветерок вкрадчиво шелестел в иссохшем вереске, клонил багульник и куцый, за зиму поредевший очерет. Лунный свет мазками серебра скользил по горбатым спинам притаившихся Холмов, вычерчивал скаредный рельеф, отблёскивал на слюдяной глади грязевых луж и распадков.

– Не скажи, – возразил Выжлец, подумав. – Ясновельможных здешний народ привечает.

Вампир спорить не стал. Лишь равнодушно потянул плечами.

¹¹ Пастбище для скота.

– И что, ты от крестьян драпанул вот сюда, в Голоземье? – допытывался колдун.

– Выбора особо не было, – признал Упырь хладнокровно и невзначай постучал пальцем по разбитой скуле.

Спина почти не болела, только в голове шумело, да затылок противно ныл. В целом, не так плохо, но просвещать Выжлеца не хотелось. Даже несмотря на унижительное сочувствие, без труда читавшееся на подвижной физиономии.

– Жаль, – не понятно, о чём больше – крестьянском самоуправстве или упырьей несговорчивости, взгрустнул в ответ колдун. – Уж мнилось, грешным делом, Данимир встречи ищет, поумнел-одумался. Приятель, всё ж.

– Приятель? Встречи? – мрачно улыбнулся Данимир, впервые за долгое время заслышав собственное имя. – Завязывай с грибами, Выжлец, мерещится тебе.

Искать встречи с крепкими, против навей крови травленными иргибскими кинжалами Выжлеца «еретнику» хотелось в последнюю очередь.

Колдун тем временем поднялся на ноги – физиономия, в ночи сравнивавшаяся бледностью с упырьей, подрастеряла былое дружелюбие.

– Ла-а-адно, ты прав. Какие мы приятели? Я Выжлец, верный пёс Норта, – и он потянул меч из роскошных ножен, блестящих в полумраке серебром обоймиц и чеканного устья. – Давно за тобой охочусь.

Вампир мысленно усмехнулся. «Приятель», как же. Вместе бражку пили, вместе большак топтали, вместе девок тискали. Молодость-молодость, когда то было?

– Умный пёс не станет тявкать на всех подряд, – заметил Данимир, тоже обнажая саблю.

Выжлец сердито сплюнул в вереск, вкрадчиво шуршавший под ногами.

– Чего ж ты от людей драпанул, краснобай бродячий?

– А чего, в болотине их всем селом топить? – поморщился вампир, уже жалея о внезапной доброте. Действие снадобий заканчивалось, и голод давал о себе знать. – То ж люди!

– Экий благородный!

Чароплёт проворным выпадом рассёк воздух, однако обманчиво-флегматичной упырюги уже и след простыл. Озирая спину колдуна, укрытую складками изысканного плаща и размышляя между делом, а не слинять ли вовсе, вампир легко переступал по ржавому, обомшелому торфянику.

– Просто недосуг, – заметил он, не спеша с атакой.

Выжлец зарычал.

«Приятель» обошли вокруг почившего костерка, примериваясь, и ещё не известно, чем бы всё кончилось, если бы в многострадальный овраг разом не вывалилось с десятков шалых волколаков.

Данимир выругался в голос. Удача нынче от него отбежала в соседнюю светёлку, ещё и дверь чурбачком с той стороны подпёрла.

Глава 3. Волколаки

Голодные твари тарасили полыхавшие загробной прозеленью глаза, скалили обнесённые бурой пеной пасти, скребли когтями мшистый дёрн и нежничать явно не собирались. Всё, что пахло тёплой кровью или не успевало дать дёру по причине отсутствия ног – вполне годилось в пищу.

Упырь облизнул пересохшие губы: Выжлец – полбеда, побренчали бы железом, побранились для порядка, по старой дружбе; а этих только потрошить да жилы сечь, иначе до самого Поста жизни не дадут. Волколаки – настоящие, а не выдуманные суеверными поселянами – отличались аппетитом, буйным нравом и полным нежеланием покоиться в земле.

Огромные мохнатые подбоя волков на непропорционально длинных лапах, причудливо выгибавшихся, когда нечистики приподнимались на дыбы, перебирая когтистыми, точно древесные сучья пальцами, нападали ночью и причиняли массу неудобств зазевавшемуся, а тем паче безоружному путнику.

По поверьям, волколаками обращались проклятые, самочинно испившие зелья или укушенные в дурную ночь. Но Данимир ни разу за свои сто лет не видал обратного превращения.

Под хищный клёкот влажного урчания над гребнем распадка показалась кудлатая башка с бугристыми наростами вдоль черепа и горящими смарагдом зенками размером с пядь. Колдун, вслух возмущившись, благоразумно попятился к вампиру. Не сговариваясь, бывшие противники замерли спина к спине. Голодная нежить Голоземья не разбирала, упыря она глодает или высокопоставленным колдуном из Семи Ветров лакомится.

– Это чё за тварь? – хрипло уточнил Выжлец, поводя остриём меча.

– Ваша работа, – ядовито откликнулся Упырь. – Познакомитесь хоть...

Волколаки ленивой рысцой обходили овраг на жутких, неестественно гнущихся лапах, то приподнимаясь хрипящими столбами в полтора человеческого роста, то припадая к земле. Движение напоминало ритуальный танец, и круг сжимался.

Упырий конь взбрыкнул, оскалил желтоватые, совсем не по-лошадиному заострённые клыки. Глаза зажглись алым. На ремнях сбруи проступили отчётливые во мраке охраняющие узоры. Обычные кобылы навье племя к себе не подпускали, а уж волколаки повергали бедных лошадей в предсмертный ужас, но эта стая не пришлась по вкусу и вышколенному замковому скакуну, химере, выращенной вампирскими чародеями в зверинце и там же выученной алчному зверству.

Колдун подсветил затаившуюся округу огненным снарядом. Светляк по крутой дуге ушёл в небо и истлел, не долетев пары сажений до распадка. Данимир насчитал с дюжину петлявших в низких зарослях теней. Рыча и огрызаясь, волколаки жарко дышали в унисон зловонными пастями и смотрели, не моргая, приседая и падая среди сухой травы.

– Стаей сбились, – проворчал колдун.

Вампир, безмолвно пришедший к тому же выводу, тоскливо помянул по матери негостеприимных поселян. Колдун, добровольно отказавшись от ленивого досуга и всех прелестей уютных палат по ту сторону равнины, клял поганое решение, на чём свет стоит. Не доигранная партия в «начала» и едва пригубленное сладкое вино истаяли в зловещем мраке Голоземья.

Танец тварей ускорился, урчание и гортанный клёкот сплетали шелест трав унылым плачем. Волнами накатывали запахи гниющей плоти и сырого меха, нужников и застоявшейся болотной жижи.

Извлекая из-под узорчатого кафтана серебряную цапку с чеканным знаком Княжеской Руки, Выжлец мысленно выплетал слова заклинания, пробуждавшие амулет. Данимир плавно поводил сабелькой, ловя на обоюдоострую елмань клинка случайные отблески небесных Кня-

зей. Путевые звёзды, над Голоземьем особенно яркие, с отстранённой плотоядностью наблюдали с подёрнутых сизой ряской туч, насупленных небес.

Чудища бросились внезапно и все разом.

Вампир закрутился на месте, отсекая саблей лапы и хребты, уворачиваясь от слюнявых пастей и чёрных, по-птичьи загнутых когтей. Выжлец, сосредоточенный на воспламенении рыцарской орясины, спасался колдовством, посылая в жутких тварей снаряд за снарядом с пламенеющей ладони. Здоровенный меч колдуна, весь в чародейских письменах, горел зарницей, но двигался без должного проворства.

Упырь с плавной стремительностью атакующей гадюки скользил среди цветных вспышек, сабля превратилась в размытую шлею. Хрустели, переламываясь, кости, шипела опаляемая колдовством гнилая плоть, рычали, выли, огрызались волколаки. Колдун не то заковыристо ругался на родном наречии, не то сплетал особо сложный наговор.

Очередной снаряд взорвался многоцветьем у самых глаз Упыря.

Данимир попятился, потерял ритм, упал в вересковые заросли, но вовремя подставил локоть. Ощеренная пасть, возникшая перед носом, обдавала смрадом вывернутых кишок и плевалась бурой пеной. Челюсти щёлкали в какой-то пяди от лица. Лобастый волколак легко, словно котёнка, повалил Упыря на землю и рванул когтями. Задние лапы оскребли дёрн. Горностаи, вывалившись из-за пазухи, опрометью стрельнул к коню.

Неловко перехватив саблю плашмя, Данимир разжал зловонную пасть. Пальцы на осклизлой от крови рукояти разомкнулись. Вампир вцепился в смердящую дохлой псиной тварь обеими руками; сцепившаяся нечисть покатила по колючкам и вересковым кустам. Зверюга, загребая лапами, рвалась к Упырьей глотке, вампир давил грудную клетку создания. Отмахиваясь горящим клинком и источавшей искры ладонью, колдун тревожно зыркнул на урчащий ком. Подпечённые волколаки отскакивали, твякали, огрызались, но бросались снова, отрезая его от прижатого к земле Упыря.

Данимир зарычал.

Зубы бестии на какой-то вершок не достали до физиономии. Вампир, извернувшись, засадил по-звериному вытянувшиеся когти в свалывшийся мех нежити под нижней челюстью. Кожа лопнула с влажным треском. Тварь захрипела и забулькала, суча суставчатыми ногами, когтями раздирая рукава кафтана на плечах. Упырь выдернул часть глотки вместе с окровавленным шматом жил. Волколак забился в корчах, поливая несостоявшийся обед не-живой кровью. Еретник отшвырнул тварь в кустарник. Подхватил почерневшую саблю и, кашляя, вскочил на ноги.

Выжлец собирался прокомментировать зверскую гримасу, но не успел. Волколак прыгнул на чароплёта со спины, хватил за плечо, не достав до шеи двух пальцев. Исступлённо заурчал, клыками разрывая плоть, разгрызая вхолостую брызнувшую колдовством гривну. Колдун взвыл, локтем саданул чудовище под рёбра, захлебнулся жуткой, сладковатой вонью. Попытался скинуть нежить на того, что подбирался сбоку. Но тварей оказалось слишком много. Вампир рассёк ближайшую зверюгу пополам, вывалив на дёрн лилово-синие потроха, блестящие от сизой слизи. Поскользнулся на окровавленном мхе.

Стая, чуя порванную плоть, стервенела.

Теперь чудовища кидались и друг на друга. Один сладострастно вгрызся в раскученную тушу на отлоге, другой уткнулся мордой в зловонную гору кишок. И влажно зарычал оттуда на попытавшегося присоединиться соплеменника.

Вампир завертел саблей, врубился в свору, рискуя засечь и незадачливого колдуна.

Истошно заорав, Выжлец подпалил вереск одним широким взмахом.

Данимир пригнулся, шархнулся от огненных ручьёв, зигзагами полосующих окрестность. Припал на одно колено, предплечьями закрываясь от раскалённых шлей и жара. Дикий вой перешёл в визг, запахло печёным мясом и палёной шерстью. Гудел огонь. А окаянный

чароплёт так поганил окровавленную физиономию зверскими гримасами, что напугал бы до икоты кого угодно.

Чудовищной силы колдовская атака выпивала жизнь подчистую и из самого кудесника. Лицо ссыхалось на глазах, а щёки западали.

Намороченный пожар угас столь же внезапно, как и разгорелся. Сам колдун свалился навзничь в заросли багульника, как только издохла последняя обратившаяся самоходным факелом зверюга.

Пепельно-серый и едва живой, выглядел Выжлец скверно.

Упырь на ходу сорвал пучок сухой, режущей пальцы травы, смахнул с клинка смердящую кровь и неспешно опустился на корточки рядом. Отёр перо любимой сабельки о мох, бурый и жёсткий, несмотря на недавно сошедший снег.

Колдун, даже не пытаясь осмотреть рану, полулежал в шуршащих от каждого вздоха, одуряюще пахнущих кустах, и продолжал ругаться сразу на двух языках: родном и общем. Щегольской узорчатый кафтан набухал кровью из раскученного плеча. Что творилось со спиной, Упырь предпочёл не загадывать, но дышал Выжлец скверно. Пьянящий запах тёплой крови туманил голову с голодухи, но Данимир лишь крепче стиснул зубы.

Позёмьш легко приземлился хозяину на плечо и проворно юркнул за пазуху.

Неубедительно подтянув драный ворот, Упырь поджал губы:

– Чего лежишь? – галантно полюбопытствовал он, опираясь о воткнутый в землю Выжлецов меч.

– Умираю, – процедил в ответ тот.

Вампир слегка отогнул воротник, тронул колдуна за подбородок, покрутив голову из стороны в сторону, критически осмотрел, прищёлкывая языком. Чароплёт не сопротивлялся.

– Не-а, – со знанием дела протянул Данимир, – в Армандирне починят. Меня там и не от такого латали.

– Ты дурак? – ощерился колдун.

– Драб Варьян? – вскинул брови, словно не понимая, еретник. – Далековато, но ты ж и перенестись можешь. Коли шаманами не брезгуешь.

– Угомонись ты, Упырь! – зашипел, морщась, Выжлец.

– Могу отвезти и ко Вдовьей Запруде, тут близко. Починят. Дальше, уж прости, не поеду. В долине ждут.

– Убей меня, Данимир, – простонал севшим голосом колдун, судорожно ухватив изгвазданную руку за запястье. Да ещё зенками воссиял так, что покойным волколакам и не снилось.

– Ты чё? – отшатнулся вампир.

– Ты сам видел: он меня тяпнул, – Выжлец раскашлявшись. Рот обнесло алым. Лопнуло пару пузырей.

Чернявый выругался: насчёт спины всё верно мнилось.

– Ты чё какой суеверный? Это ж всё сказки, – вампир облизнул пересохшие губы. – Выжлец, ты наперёд меня знать должен.

– Твою мать! – просипел колдун. – Данимир, как побратима прошу! Я знаю, что будет...!

– Нашёл побратима! Я нечисть... поганая, – откликнулась она, хмурия лоб. – Сам угомонись, колдун! Заштопают тебя в Запруде. Я заплачу и знахарей тамошних знаю.

– А законов наших не знаешь? – продолжая кашлять, приподнялся на локтях чароплёт. – Упырь, меня потом свои убьют. Начнётся скоро!

– Мы теряем время, – нетерпеливо обернулся через плечо Упырь, сняв кисть с витой крестовины меча. Изысканно выгравированные чародейские письмена радужно мерцали, придавая оружию недостойно праздничный, легкомысленный вид.

– Сколько мы дрались, Данимир? – прошипел колдун с улыбкой, больше напоминавшей горестный оскал закусившего омежником утопца. – Сколько выпили вместе? Удружи уж, убей меня! Не заставляй молить!

– Вот ещё, – фыркнул Упырь, не спеша подниматься. – Вспомни Миридик... красивое же место, чтоб его лешие на камне драли. Давай, колдун, надо встать.

Но тот лишь взвыл.

Локти, на которые Выжлец опирался, задрожали, богато изукрашенный кафтан на животе темнел, ошмётки форменного плаща столичной расцветки разукрасили кусток причудливой кровавой бахромой. Живописнее же прочего смотрелось обагрённое плечо в обрывках крашенины. Да полусодранный, испещрённый ллакхарскими знаками амулет верного слуги Семи Ветров.

Вампир понял: до Запруды они не дотянут. Выжлец уже одной ногой ступил за край.

Колдун, тяжело дыша, скривил рот:

– Слушай сюда, Упырь, – выдохнул он, пытаясь подбородком сдвинуть ремешок. Угадав порыв, Данимир сам сорвал заколдованную удавку. На бледной, годы не знавшей солнца шее проступали кровавые письмена клятвы. – Вот так. Прощай, обет Семи Ветрам, – колдун горько усмехнулся. – А ты... нечисть упёртая... слушай. Слушай теперь. Я... Я Ваа-Лтар, Седьмой колдун Сартана... А, пропасть! – оборвал он сам себя. – Короче! Я, Ваа-Лтар, сын Ваа-Знара, отрекаюсь от Семи Ветров, Наследника и клятв, ему принесённых... от мастерства и всех его... его даров! Князья свидетели, нет надо мной более его благословения... пропади оно пропадом! – Кровь текла по шее из раздавшихся порезов. Лицо осунулось и посерело под цвет иссушенной земли. – Знаю я, что ты – прелagateй коронный¹², давно знал! Так слушай же, нечисть... Слушай и запоминай! То, что в Станбергваэре Огниффском творится, что правитель тамошний на Дитмара обозлился и оборотней его грозитя извести – это Семь Ветров... Норт! В Переправе эмиссар Норттов местного князька, Бренчишло, настропалил. Тот сюзерену челом ударил... и понеслось. А в Диколесье колдун засланный тоже подзуживает тамошних походом идти. На востоке... На Оборотенку напали вчера. Обошли Волочаны горкморским трактом, вдоль Засеки, ударили быстро. Разъезд, вроде как. Карательная вылазка. Миридик стягивает Псов отовсюду, даже из-за Волнистых Гор. Нападение готовится... большое. Наследник собирается атаковать ваш Пост. Колдуны и чернокнижники Семи Ветров выдумали новую штуку! Особые... знаки. Калейдоскопы новые. Быть большой войне! Но... самое скверное... – Выжлец отвёл взгляд и зло скривился. Фыркнул. – Королева. То сам прочтёшь! Возьми! – Он неловко, теряющей чувствительность рукой рванул отворот кафтана. Навий охлопал прокровившуюся тунику, вытащил несколько перекрученных свитков.

– И что это? – присвистнул Упырь при виде печатей, меряя колдуна подозрительным взглядом.

– Записи мои! Я ж сказал, Седьмой... колдун. А то – моя весточка Норту, будь он трижды проклят!

– Неужто мне с самого начала всучить собирался? – Данимир и не пытался скрыть изумления.

– Нет, дурень ты, я тебя, прелagateя, учуял и захватить обязался! Башку твою дурную в Семь Ветров привезти, желательно, вместе с прочими... частями. Но можно и без. Достал ты крепко Лилию, – Выжлец снова сморщился, снова закашлял. – Прознал Эрвар про твои подвиги... вестимо... – Кашель вспенил кровь в углах перекирвлённого отчаянной жестокостью рта. – Всех вас, лазутчиков острозубых, велел изловить да на спытки отправить: кожу сдирать, калённым железом печь да розгами драть. Чай, помнишь ты его забавы, – Валтар попытался презрительно плюнуть, но вязкая краснота лишь измарала гладко выскоблен-

¹² Разведчик, соглядатай; посланец

ный подбородок, протянулась нитями по изуродованной шее. – Хватит... погань паскудная! Довольно я мучился... хватит! Помнишь, как мы рыбу ловили, Упырь? В деревне под Просекой, – неожиданно застонал он. Синие глаза зажглись сапфирами в ночи. – А как в Аллесеце «Под Каблучком» отдыхали... – Вампир поморщился, стиснул зубы. – Данимир, со мной покончено! По дружбе же прошу... я ведь тебе, предлагаю упырьему, сейчас такое отдал!.. От клятв отрёкся! Окажи ответную услугу, убей меня... Я не хочу стать волколаком!

Вампир кивнул.

Опустился на одно колено, боком повернул саблю, мазнул пером, самым кончиком, по разодранной нарушенным обетом шее, обозначив неприкосновенность трупа для мелкой нежити, прочёл причитающиеся слова. А потом секущим ударом добил обмершего, стиснувшего кулаки колдуна. Сапфировые глаза, смотревшие в упор, моргнули и вдруг погасли, голова покачнулась, медленно скатилась вниз, промеж пол щегольского кафтана, колени конвульсивно дёрнулись и опали.

– Да осияет покой твой Великая Жрица, – едва проронил Упырь, не разжимая челюстей и уже размышляя, как посподручнее сбить тело. Возиться с сухожилиями не хотелось.

Выжлец, он же Валтар, или, на имтильский лад, как сам он порой себя называл, Ваа-Лтар, сын Вазнара из рода Варди – молодой, по меркам ремесла, колдун Сартана, происходил из Ставмена, материкового анклава солнечной державы Мореходов, но, поддавшись странной моде, избрал призвание инога толка.

Решил стать колдуном.

Учился в Миридике, наместничал в Ставмене, жил в престольных Семи Ветрах, не отказывая себе в удовольствии проехать туда-сюда по озёрной равнине да по долине Окуня. Как выяснилось, докатался – или докатился – до ранга Седьмого колдуна. Людям не мешал, нежить шугал исправно. Сделался знаменит отчасти из-за приближённости к Норту, Алмазной Лилии Ллакхара, тирану Миридика. Едва Норт Адальхейн Эрвар, чтоб ему икалось, – распробовал власть, сразу зажал миридиканцев в стальной кулак, а значит, и островные города-деревеньки, столичный Шаа-Дан и родной Выжлецу Ставмен, вольные имтильские края.

Видать, не понравилось это Валтару.

А может...

Князь весть, с чего вдруг такая щедрость. Записи его ещё почитать и перепроверить надо. Сам Упырь чернилам не доверял, а коль уж случалась оказия, защитой соответственной обеспечивал.

Размышляя о причинах странного поступка, вампир аккуратно утопил окровавленное тело в ближайшей грязевой луже, понадеявшись, что та достаточно глубока, а колдуна утянет на самое дно. Туда же отправился и громоздкий меч чароплётта. Голову Данимир почтительно обернул остатками плаща. А вот кольца-кастеты да более-менее пригодные для нежити амулеты забрал – не пропадать же даром полезным побрякушкам.

Горностаи недовольно попискивали за пазухой, но вылезти так и не соизволил.

Спать вампиру расхотелось. Перед глазами всё ещё стояло бледное, изнутри высохшее лицо Седьмого колдуна и яркие, вмиг побелевшие глаза. Ваа-Лтар, сын Ваа-Знара из рода Варди, заслуживал чего-то большего, чем зловонный топляк среди наводнённых нечистью Мрачных Холмов.

Словив воронка, Данимир забрался в седло, оглядел подпечённые колдовским огнём тела, обломанный очерет, заляпанный чёрной кровью мох, изжаренные потроха, кружевами растянувшиеся по вытопанной прогалине, и задал коню шпор. Жеребец, прежде безропотно изображавший продолжение пейзажа, всхрапнул и ощерился, надал копытом дёрн, запласал, звеня трензелями, и со скака перешёл разом на резвую рысь, удивив покачнувшегося в седле верхового.

Вампир размышлял, как быстро хватятся колдуна, и кто ещё мог знать о его ночной эскападе; ждут ли его возвращения в покоях преданные слуги или парочка девиц.

Окровавленное, иссохшее лицо и расширившиеся чуть не вдвое зенки не шли из головы. Данимир сплюнул в проносящийся под копытами коня вереск. Не забыл он паводок в деревне под Просекой. И Аллесцэ не забыл. А толку что?

Некоторые вещи нужно просто делать.

Глава 4. Калейдоскоп

Голые Земли – полоса овейанных дурной славой холмов и пустошей – пролегали между равнинными лесами людского царства, владений Озара Косого, и Ветряным Кряжем, отсекавшим с южной стороны долину Олвадарани, королевство синеглазой Равнсварт. Негостеприимные края, изобильные лишайниками, колючим сухостоем, зарослями вереска, зловонными грязевыми лужами и расселинами в полторы сажени глубиной.

Редкие путешественники порой натыкались в Голых Землях на мрачные сооружения – кромлехи¹³ и менгиры¹⁴ периода Старых Войн, Славиграда, а то и сотворения мира. А зимой, когда снег укрывал следы летних пиршеств изобильной и самовластной нежити, в Мрачных Холмах творились страсти похуже, чем в подгорных пыточных Семи Ветров. И волчи войны оставались наиболее куртуазным мероприятием.

Проезжая вдоль правого рукава реки Олвадарани, для местных Багрянки или Рыжей, путники не раз замечали кровавые следы, ведущие в Голоземье, а то и находили причину появления оных под кустом.

Зимой жизнь в окрестных поселениях – Хуторье, Беглянке, Дратве, Выжиге, – затихала. Даже в Горкморье и Саженцах, городищах крупных, укрепленных против лиха, с регулярным гарнизоном и справными крепостными стенами, народ предпочитал за эти самые стены носу без надобности не высовывать, ворота почём зря не открывать, а сидеть по домам и тавернам, изничтожая запасы под завывания суеверного певуна, пока тот на гусях и домрах наяривает, волчий вой за околицей перекрикивая.

Люд стервенел от наводнившего округу ужаса, так что с радостью отдавал последние гроши бродячему выжлецу, лишь бы тот предъявил парочку страхолудных голов или припёр чучело оборотня, иногда – волчье, молью траченное да «героем» храбро из соседнего кабака умыкнутое. Горкморские доброхоты, как и бравое мужичьё из Саженцев, смотрели на подлог сквозь пальцы, неизвестно на что уповая.

По зиме северные оборотни редко выбирались дальше Волочан, предпочитая иные забавы. В отличие от упырей и вампиров. Данимир пожал плечами. Ну, пропадёт какой Микал Репка или баба Вторуша. Кабы по пьяни в яр упал, к мишке на паужин, или опята в кадушке ложными оказались, даром, что красные да крапчатые – никому б и дела не было.

Но мерещилось в Мрачных Холмах какое-то суровое, нелюдимое и непритязательное обаяние. Особенно на закате, когда солнце кровавым пятном садилось в слоистые туманы Хмури, а с топляков летели протяжные стоны, песни утопцев и болотников. Очерет на склонах полыхал, а там, дальше, в сухой осоке и скрипучем вереске мчались, свесив кровавые языки из жарких пастей, громадные северные волки, ночной кошмар Озаровых псарей. Или ковыляли, едва переставляя ободранные ноги, подвяленные в торфе мертвяки: люди их звали упырями, а вампиры – умертвиями.

Данимир оглянулся в седле, окинул взглядом кучерявую чёрную полосу перелесков равнины, где пролегали владения людей, не любивших ни зубастых гор, ни Вечных Льдов.

На востоке забрезжила первая зорька, вестница скорого рассвета. Небосвод светлел по кромке, наливаясь бледной позолотой, тягучей, что смола.

Первые лучи, черпнув разящего холода за исполинским провалом Колючего Змея, расколотившим равнину в незапамятные времена, запутались в сухой поросли Холмов, очертили уступами встающий на востоке массив Правобережья быстроводной Ларьи с его густыми рощами, буковинами и хорошенькими, будто резные игрушки, человеческими крепостями вплоть до

¹³ Древнее сооружение, обычно круг из воткнутой в землю камней.

¹⁴ Вертикально стоящая каменная глыба.

самого Стародревя. Солнце, ленивое и медленное, как староста с похмелья, нехотя разметало парчовый подол над пыльными, едва пробудившимися от спячки долами.

Сквозь серую муть тумана, выползавшего из пепельных оврагов, клоками виснувшего на игольчатых ветках багульника и влажных мётлах высоких трав, лучи пробивались седые и пале-вые. Данимир свесился с коня, разглядывая вытоптаный мох и прищурился, размышляя. С тракта безмолвные Холмы казались мёртвыми и пустыми. Привольные владения ночных бес-тий, волков и лис.

Изнутри же Голоземье настораживало свежепроторенными дорогами, совсем не похо-жими на путанные тропы умертвий.

– Хороводы тут, что ли, водили? – прикинул Данимир вслух, развлечения ради вообразив бранль¹⁵ на пустошах с нескладными мертвяками и чинно погладывавшими «лёгкую закуску» вурдалаками. Закуска вяло отбивалась.

Устало откинувшись на высоком седле, Упырь почесал скулу. Кровь – его собственная и волколачья, – высыхала под ветром тянущими кожу чешуями, ровно брюхо престарелого дра-кона, и шелушилась коростой. Следовало бы спешиться и счистить мхом грязь хотя бы с лица, но вместо этого Данимир пустил чёрного жеребца ленивой рысцей, отстранённо покачивался в седле и размышлял о танцах.

При дворе Озара Косого, правителя Сердаграда и прилегавших территорий, на пирах принято было жрать, пока пояс не крякнет, и пить до поросычьего визга. После чего, обильно поливая брагой соседей, вскочить на стол и затеять танцы с запечённой кабаньей головой, либо учинить мордобой, а то и завалиться спать среди разносолов. И всё это – под визг дудок, бубнов и тимпанов, собачий лай, ор потешников и вопли девок.

В Малом Яснополье, что в Нижних Землях Жеша, воевода учинял «седмицины» гулянья, где праздный народ упивался отваром грибов, покупаемых у травников с Чародеевой Пуши, после чего отплясывал в соседней роще, произвольно предаваясь блуду, дракам и, порой, само-истязаниям, с дубами да соснами бодаясь.

Музыкальные вечера в Огниффских замках редко обходились без нескольких бочонков крепкого вина, своры кобелей, жрущих прямиком с тарелок наравне с хозяевами, «молодух» и непременно поединка. Без кирас, верхом на тех самых кобелях. Менестрели, бродящие среди светопреставления печальными, источавшими скорбь призраками, щипали лютни и косели от хмельных паров.

Упырь усмехнулся: бранль умертвий среди вересковых пустошей Голоземья при таком соседстве выглядел вполне закономерен.

Позёмьш, угревшийся за пазухой, проснулся и нервно засуетился под туникой, напоми-ная нерадивому хозяину о необходимости подкрепиться самому и подкрепить прирученное зверьё. Данимир вздохнул: хорошая затея. Без фуража Дух, пусть и зачарованный, загнётся на местном сухостое, да и сам он не отказался бы от ломтика-другого строганины. Но где раз-житься провиантом среди Холмов?

Спешившись в очередном овраге, Упырь расседлал косящего алым глазом жеребца, потрепал по лоснящейся, норовисто изогнутой шее, погладил, успокаивая, тревожно раздутые ноздри. Привязывать или треножить коня не хотелось. Каким чудом хуторская коновязь не переломила воронку ног, вампир и сам не знал.

Данимир, облокотившись о седло, улёгся прямиком на мох и закусил прихваченный тут же венчик сухой травы, задумчиво уставившись в безбрежное небо цвета ляпис-лазури. Засы-пать Упырь не собирался, но тело ломило после драки и жаркого приёма хлебосольных посе-лян, а голова тяжелела, ровно налитая свинцом. И веки потихоньку закрывались.

¹⁵ Народный хороводный танец.

Солнце золотыми иглами лучей штопало пылящие холмы, точно мятую рогожку. И, судя по положению на принаряженном облаками небосводе, занималось этим уже с полдня.

Данимир, проснувшись от ноющей боли в затёкшей спине, нехотя стянул кафтан и грязную тунику, осторожно оторвал прилипшую рубаху, разглядывая ссадины и порезы. Гниль Упыря обыкновенно не брала, и всё же провалиться седмицу в лихорадке тоже не хотелось, а значит в Посто лучше заглянуть к местному коновалу, что не слишком убедительно притворяется лекарем при крепости да гарнизон невозбранно приходит.

Полынно горький ветер теребил осоку на отлогах, заигрывал со спутанными, слипшимися от крови волосами и морозил кожу. Данимир цедил ругательства, обтираясь куском оторванного от рубахи подола, смоченным в остатках браги из чудом уцелевшей баклажки.

В сумках нашлось немного вяленного мяса, завернутого в тряпки. Закончив скорбный туалет, Упырь разделил трапезу поровну: по полоске себе, горностаю и коню. Дух привередничать не стал. Позёмьш пару раз чихнул для порядка и укоризненно воззрился на хозяина антрацитовыми бусинами глаз, как будто тот нарочно выдумал полуголодную поездку среди прогорклых луж и вереска. Данимир пожал плечами, сделав вид, что собирается забрать подачку. Спутник стремительно образумился и вгрызся в тёмно-бурый шмат с подчёркнутым воодушевлением.

Упырь удовлетворённо хмыкнул.

Валтаровы свитки, сберегаемые восковой нашлёпкой с оттиснутой Морской Змеей, покровились и поистрепались. Разворачивая их на коленях, Данимир втайне уповал на размашистый почерк покойного колдуна. Не тут-то было. Валтар, клятый рукоблуд, питал нездоровую тягу к миниатюрам: писал убористо и тесно, словно пергамент тот уворовывал. Но что с мореходов взять?

Вчитавшись в ладно пригнанные закорючки, вампир присвистнул, бегло пробежал глазами несколько строк вниз, уже не прикидываясь полуслепым и малограмотным. На сентиментальные вирши писанина не походила. А вот на очередную холеру, в плетень незваной пожаловавшую, очень даже.

– Ясно, что за шальная блажь тебя из покоев вытащила да в Голоземье загнала... побратим-приятель, – мрачно подумал вслух Упырь.

Позёмьш солидарно тявкнул, пристраиваясь под боком. Но хозяин Спутника будто не заметил, в сердитом недоумении уставившись на пыльный вереск и далёкую, неприветливую черту зубастых гор. Поверить написанному удалось не сразу. И впрямь, война. И впрямь, древняя, всеми проклятая ворожба АрШарга, чьи тёмные искусства некогда объявили вне закона сами колдуны.

Прикинув расстояние до Поста, где можно накормить коня чем-то, кроме ядовитых колючек и высушенных трав, а заодно обсудить Выжлецовы откровения с командиром крепости, Зераном, наследником семейства Милэдон, вампир проворно заседлал прядящего ушами, нетерпеливого коня и поглядел на солнце из-под козырька ладони. До ночи оставалось ещё время.

Местность, где не болотила и не вспучивалась зловонными ключами, исходила прахом и коростой, ровно древний труп, коих тут залегло немало. Весь этот край, от Хмури до Заземья, когда-то вывернула наизнанку жестокая война. Безудержные чародеи былых времён не задумывались о последствиях применённых чар, размыкая Кромку мира и беспечно сманивая чужеродные силы на живую кровь. Зло курилось ядовитыми туманами над проклятой землёй, и призраки вставали над сухой осокой мёртвой ратью.

Где, как не в Голоземье, осознать всё безрассудство игрищ с обитателями Кромки, воочию узреть последствия *такого* колдовства? И тем не менее...

Упырь пустил коня резвой рысью и откинулся в седле, оглядывая пыльные окрестности: в ночи Дух забрал на восток пару лишних вёрст, умчав хозяина в самое средоточие угрюмых

древних монолитов и луж, смердящих тухлыми яйцами. Кромлехи и туры неожиданных пропорций маячили среди вересковых кустов и побуревших трав, неприкосновенные даже для норотивших поработить Голоземье лишайников.

Коня в конце концов пришлось придержать, почтительно объезжая каменные сооружения и глядя строго мимо. Упырь не любил древние булыжники: мерещилось промеж них... всякое. А поймав пару раз отчётливые и не слишком радостные видения, вскоре паскудно оправдавшиеся, Данимир предпочёл впредь не заглядывать судьбе через плечо, дабы та, зараза мстительная, чем не отмахнулась.

Горы, сизо-лиловые в потёках льда, неспешно приближались.

Вскоре замаячил в холодной зыби Пост. Высокая куртина с зарешечённой аркой для левого рукава Олвадарани зигзагом уходила на север, к Прихоти – крепости, отмечавшей излом стены. В западной части зиял второй арочный проём для правого рукава, аналогично забраный решёткой из толстых брусьев. Исполинское сооружение некогда намертво запечатывало долину от южного Стилета до северного Клыка – скальных крепостей, названных в честь гор, в которых их прорубили.

Пыль вздымалась над Голоземьем зыбкой кисеёй, древние курганы сторожило вороньё. Подозрительная, звонкая и ломкая тишина давила на уши.

Конь шёл лёгким полугалопом, взбивая копытами иссохший мох, когда Упырь резко натянул ремни, понуждая заплясавшего жеребца остановиться. Окрестность дурных предчувствий не обманула.

Данимир подался из седла, повёл ладонью над клонящимися под ветром сухими стеблями и, выругавшись сквозь зубы, отстегнул ножны с пассивных ремешков. Пришлось спешиться: Дух безобразничал, терзал грызло и молотил тяжёлыми копытами землю, не желая оставаться в дурном месте. Алые глаза выкатывались, как у перепуганной кобылы, чего с выученным воронком отродясь не случалось. Вампир, рассеянно почмокав губами и хлопнув пару раз коня по крупу, неотрывно разглядывал затеявшую недоброе округу. Холмы заледенели.

Валтар, курвин сын, Седьмой колдун Сартана, прогулялся в Голоземье далеко не первый раз, леший бы подрал умельца.

Камни, слюдяные лужицы и стекло, опрятно разложенные ровным кругом, образовывали знак, глубоко врезаемый подрагивавшими нитями заряда в высохшую, изъязвлённую мхом и спёкшейся травой свежую шалгу¹⁶.

Упырь медленно обошёл его, читая витиеватые линии узора, пиктограммы и символы, накалявшие пространство. Большой колдовской круг проедал ткань бытия негашёной известью. Данимир опустил на корточки, пощупал взбугрённую землю, тихо выругался сквозь зубы. В дрожании воздушных токов мелькали едва уловимые тени.

Заступать за круг не хотелось. Но и просто оставить здесь колдовскую печать Упырь не мог. Заклятье вывернуло бы наизнанку Голоземье вплоть до Ветряного кряжа. И кто-то оттуда да полез бы.

От одного намерения кожа на затылке зудела и кололась, точно обожжённая, а потроха холодели. Но некоторые вещи нужно просто делать, напомнил себе Данимир, переступая границу калейдоскопа и опускаясь на колени в центре проклятого узора. Воткнул саблю, для того совсем не предназначенную, в землю, в средоточие поганых линий.

Запечатывало паскудный знак Затмение. Обряд трудоёмкий, мало кому ведомый и шумный, что базарный полдень. Мелкая нежить от него теряла последний разум. Даже оборотни дурели.

¹⁶ Сухой лес или гора, где не растёт трава; здесь: бесплодное место.

Но калейдоскопы ломали саму структуру яви и отмыкали Кромку для потусторонних тварей, что похуже любого волколака. В военном деле знаки часто применяли в качестве поддержки атак пехоты и конницы. Но в чистом поле, среди древних каменюк... Розе, престольному замку Олвадарани, ни к чему колдовская напасть у южных рубежей. А уж после промелькнувшей во вражеских записях ворожбы АрШарга и подавно.

К тому же, этот узор не походил ни на один из прежде виденных.

Упырь стоял на коленях, заранее готовясь принять отдачу телом. Воздух набряк молочным облаком, закружился обманчивыми завитками, мерцающими шёлковыми лентами. Узкие шлейки сходились к оголовью тонко зазвеневшей сабли, струились вдоль лезвия, убегали в землю и снова выскальзывали, волнами растекаясь по рисунку. Линии узора загустели, взбухли белым, потом налились багрянцем.

Явь моргнула, крутанулась посолонь, встрепенулась в диком кульбите, перепугав коня ослепительной зелёной вспышкой. Дух заплясал, встал на дыбы, суча копытами, рыча и огрызаясь, но не посмел оставить господина, окостеневшего в клубе потустороннего огня. Позёмьш истошно верещал, вцепившись в луку.

Вампир остался стоять лишь благодаря сабле, накрепко застрявшей в спёкшейся земле, и наследному упрямству, не позволявшему уронить себя ни в одном из смыслов. Лбом Данимир упёрся в раскалённое наверхие, поочерёдно ругаясь и сплёвывая кровь с прокушенной губы. Вместо калейдоскопа вокруг чернел обугленный дёрн, смердело гарью, сырым железом и тухлым яйцом. Упырь, гадая, имелись ли у поганого узора братишки где в округе, поднялся на ноги, пошатнулся, переступая через взрыхлённый край, но устоял.

Дух отчаянно шархнул в сторону, едва не выдрав руку из сустава, стоило вампиру тронуть ремни упряжи. Данимир долго уговаривал и подбадривал воронка, но, в конце концов, повёл в поводу, окрестив бестолочью.

Солнце, поскучнев и подрумянившись, неумолимо клонилось к горизонту, а горы так и не придвинулись ни на вершок.

Глава 5. Псы Иргибы

Лишь отойдя с десяток вёрст от оставленного на земле нездешним пламенем ожога, конь позволил хозяину забраться на седло.

Данимир, усталый и злой, как сам Тёмный Князь, смахнул с липнущего испариной лба спутанные волосы, устроился поудобнее и тронул пятками конские бока, посылая жеребца рысцой. Пахнувший иссохшей травой и мускусом ветер Мрачных Холмов холодными крыльями охаживал по лицу, проникал под кафтан и тунику.

«Прогулка, достойная рыцаря Люкулы... со всей его волшебной придурью, – подумал Упырь, собираясь подремать и всерьёз мечтая добраться до клятого Поста хотя бы в ближайшую седмицу. – Заплутать в вампирьем околотке, в нескольких саженях от границ отчизны. Великолепно».

Киноварь, расплескавшаяся вдоль кромки поросших хвойным лесом гор, выцветала в черничное вино темнеющих небес.

Ночь шёлковым покровом опускалась на Холмы. Едва сошедший снег обнажил белеющие кости оставленных без погребения воинов и бродяг, седую, проржавевшую осоку и северные мхи, напоминавшие парчу и драгоценный соболиный мех богатством вычурных узоров. Сумерки обращали мрачные горбы волнами.

Данимир всматривался в темнеющий пейзаж без малейшего воодушевления.

Взгорье, сменявшее лиловые пустоши, воняло мертвяками. Вампир, едва прикинув, как сократить оставшиеся вёрсты, внезапно вылетел из седла назад и вбок. Но умудрился прихватить саблю и, чудом не сломав ни шеи, ни конечностей, кубарем откатиться в сторону.

Поперёк кафтана тлел след Хомута – боевого заклятья, активно используемого выжлецами. – Еретник! – окликнул мрачный, сорванный басок.

– Упырь, – поправил Данимир, распрямляясь.

Дух отступал боком, храпя и отплясывая. Хозяин с удовольствием бы к нему присоединился.

Выжлецы, по обыкновению сбивавшиеся ватажкой, разительно отличались от щеголеватого Седьмого колдуна, прозвище которому обеспечили своим призванием. Пятеро молодцеватых окаёмов¹⁷, косая сажень в плечах, ни тени разума во взоре, восседали на гривастых тяжеловозах, грузных и могучих. Сами дюжие, что бугаи, и вооружённые. Подле них Упырь, мечник, возвращённый турнирами и большаком, казался чахлым недорослем.

При колдунах Псы выполняли роль ищеек, отменно выученных тварей на сворке Семи Ветров. И спускал их Миридик с лёгким сердцем, без промедления. Выжлецы загоняли добычу и объезжали земли дозором, в основном, шайками, отчего-то прозванными отрядами в Иргибе – южном, выросшем на отшибе поселении, где диво сие пестовалось и дрессировалось. Ни размер оных, ни состав нигде не оговаривался, а порядка формирования не существовало. Кружки собирались «по душевному родству», в окрестных хуторах да весях обрастая сподручниками, падкими до разбоя и пьянки. Служба избавляла от губной избы¹⁸ или шибеницы¹⁹. А потому лиходеёв среди рыцарей света и добра делалось всё больше.

Кто посметливей, предпочитали солдатскую службу в Сердаграде, дружину местных князьков-наместников или, на худой конец, наём к обозникам-торгашам, гонявшим караванами товары по лесам.

¹⁷ Отморозков

¹⁸ Помещение присутствия губного старосты, здесь: аллегория суда.

¹⁹ Виселица.

Выжлецы же пользовались дурной славой. И в противостоянии Семи Ветров с вампирской долиной Олвадарани и Триединым господарством оборотней становились разменной монетой или козлами отпущения. Гвардейцы Лучистого Стяга, даже самые последние дурни и пугала, из коронного замка отродясь носа на равнину не казавшие, запаршивевшая аристократия, выскочки из мелкопоместного дворянства, охотников надменно презирали, и за людей не почитая, не то, что ровней. Упырю же Иргибские Псы, за вычетом откровенных душегубов, куда больше напоминали людских защитников, чем холёные колдуны, вынужденно поднаторевшие в вероломстве.

Голоземье шелестело в предвкушении поживы. Псы, хмурясь, тискали вооружение, выкованное мастерами кузнецкой слободы Иргибы и заговорённое против навей крови.

– Ты поучи, поучи нас, стервь, – невидимо в сумерках осклабился здоровяк с буздыганом²⁰, легкомысленно пристроенным на плече побочной головой.

– Приходится споспешествовать, коль выжлецы невежественные пошли, – развёл руками Данимир.

Ватажка выглядела скверно и грозила неприятностями, очевидно, частенько промышляя разбоем.

– Ты не мудруй, клыкастый, лучше саблюку скидавай, – посоветовал грузный молодец с огромным родимым пятном на бычьей шее, метким плевком сбив хрупкий стебелёк у самых Упырых сапог. Водянистые зенки, впотьмах белёдые, тарацились плотоядно.

– Может, ещё сплясать? – мрачно улыбнулся Данимир.

Тот, что возвышался посередке, в поддоспешнике и смазных сапожках, неизвестно с кого снятых, рассмеялся:

– Ну, хошь, спляши. Мы пособить могём. Жаль, дерев подходящих нетуть. А вот верёвочка найдёс-ся!

– Весьма признателен, – кивнул Данимир. Тянул время вампир намеренно. – Отрадная и неожиданная услужливость. Знать, не все так скверно в Иргибе, коль такие куртуазности в ходу.

– Чего разлаялся? – рявкнул пятнистый, сердито зыркнув на болтливого товарища. Еретник усмехнулся чуточку отчётливее. Цепкий взгляд скользил по мрачным битюгам. – Сказано, бросай мечугу... да энто... цепи сымай! Неча тут тявкать!

– Тявкать – это по вашей части, – согласился Данимир, словно невзначай разминая плечи и запястья.

До Поста было рукой подать, но драпать Упырю надоело. А вооружённый разъезд псов у самых границ вампирьего королевства, да после обнаруженного в Холмах знака, злил откровенной наглостью.

– Пададь виритная! – выругался поддоспешник.

– Вымесок ерохвостый! – поддержал доселе молчавший бугай с бердышом.

– Поторопись, железнозубый, – самый старший и, как ни странно, самый щуплый, почти не разжимал спёкшихся в тонкую черту губ, отчего слова цедились медленной, нечленораздельной гнусью. – Не искушай судьбу да парней не зли... то чреватое.

– Чреватое с упырём в Холмах задираться, – указал Данимир, надменно вскинув подбородок. – Я не купчик сердаградский и не холоп. С какого ляду мне вам сдаваться?

Вопрос выжлецов отчего-то не порадовал.

Детина с бердышом, сквернословно гавкнув, перехватил древко обеими руками. Здоровяк снял буздыган с плеча. Застрекотал во мраке взводимый арбалет. Упырь ощерился, вдыхая заострившиеся ароматы дублёных кож, металла, конского и людского пота, солонины, которой молодцы вечеряли... и колдовства. Медовый, терпкий дух тёк от земли, из рваных кружев

²⁰ Булава с шипами

мха и шелестящих вересковых кустов, из расколотых камней и дёрна. Но удивляться новому оттенку было некогда.

Ужель прознал Эрвар про измену Седьмого колдуна? Или его безвременную смерть почуял? Ведь если в Голоземье творили гоэтические ритуалы, дозорные разъезды выжлецов могли привлечь лишнее внимание. С другой стороны, знаки должен был кто-то охранять. Но обезвредить калейдоскоп Данимиру нынче не помешали. Так что или кого, забыли в Голоземье Псы Иргибы?

Выжлецов обучали ратному делу скорее пыльные большаки, чем мэтры фехтования, потому стиль боя не отличался изысканностью. А булавы в арсенале встречались куда чаще привычных Упырю клинков.

«От дубин не так легко отвыкнуть», – насмешливо подумал Данимир и пару раз крутанул саблю, пластая сгустившуюся ночь на пробу.

Князья мерцали в небесах, холодные и равнодушные. Над Мрачными Холмами протяжные распевки волчьих стай сплетались с шелестом сухой травы, рычаньем, свистом и молодецким уханьем раззадоривавших себя богатырей.

Сабля, ретивая сестрица, секла ловчее, а двигался вампир куда проворнее двужилых битюгов, и всё же сравнять шансы никак не получалось. Лезвие бердыша прошло в какой-то пяди над макушкой, а буздыган почти достал плечо. Упырь, отпрыгнув из-под удара, перекатился боком, подскочил ноги поддоспешнику и, поднимаясь, накрест перерубил шею. Отсечённая голова покатила по отлогу, мягко подскакивая на кочках. Тело, нелепо растопырив руки, рухнуло ничком, забрызгав алым взревевших Псов.

Сухо щёлкнул арбалет.

Данимир увернулся от болта и с разворота по диагонали отскочил широко замахнувшегося бердышом ратника, рассадив туловище от ключицы до бедра. Одна беда – буздыган в тот момент тоже не прохладился.

Упыря сбили с ног, ткнули булавой по темечку, а обухом – аккурат в живот. Правую руку опалило болью. Медовый дух окутал вымоченным в лекарственных настоях саваном. В боку горели угли. Тело отнялось. Вампир изумлённо вытаращился на небо, где зашатались, заплясали путевые звёзды. Где заметала шитым серебром подолом Жрица, милостивая спутница Князей. Где распустились подобием ночных огней лиловые и изумрудные зарницы. А из Холмов навстречу им поплёрли мертвецы.

Глава 6. Похоронная Седмица

– Нешто дышит? – Елейный отрок в буйных кудрях, чумазый, как стены землянки, солдат гарнизона пощупал вывернутую, скользкую от крови шею соплеменника. По всем видимым признакам, вроде переломов и чуть не вываленных потрохов, соплеменник тот выходил свежепреставленным. Но отчего-то, стервь такая, ещё дёргался. – Глянь, Астаз! Экий он живучий!

«Живучий» глухо захрипел.

– Ещё повремени, и он своим ходом околеет, – отозвался Астаз, плечистый молодец немногим старше кудрявого недоросля.

Портили его лишь синяки под покрасневшими от дыма и вина глазами и многодневная щетина. Выдернув стрелу из выжлецкого горла, Астаз брезгливо свалил тушу в занимавшийся костёр. Переложенный мхом сухостой охотно тлел и столь же охотно смердел, дымя курганом, так что дюжие ратники, сваленные горой, больше коптились.

– Нашёл невидаль, – буркнул Астаз, вытирая пот предплечьем. От кафтана разило плесенью и псиной, так что облегчения жест не принёс, лишь размазав грязюку по лицу.

– Да ты б тоже ошалел, кабы он тебя больше, чем дырявый выжлец, занимал, – обиделся отрок, суеверно прислушиваясь к влажным хрипам из раскучуроченной груди. – Глянь-ка, дышит. Как только мозг не вытек?..

Хозяйственный Астаз, сердито плюнув в дым, обернулся и грозно сдвинул густые брови:

– Не признал его?

– Больно тут узнаешь, – проворчал солдат. – Морда вся в кровище.

– Чего тебе морда? Девица, что ли? – Вампир наморщил лоб, изловил присмирившего воронка. – Вон, знак родовой, цепи да серьга в левом ухе, – указал он и крикнул, поднимая тяжёлого, как мельничный жёрнов, Упыря.

Чёрная зверюга понуро притворялась шёлковой, кося шальные зенки на бездыханного хозяина. Цедя проклятья, Астаз перекинул сияющего соплеменника через седло.

– И чего мне его побрякушки? – не понял отрок, шмыгнув простуженным на крепостных стенах носом.

– Побрякушки, – передразнил мрачный Астаз, размышляя, как закрепить безвольную ношу в высоком седле. – За эту побрякушку замок можно выстроить. Серьга с Поцелуем Жрицы. А носит её старшой Адалин, Данимир. Должен был наднесь вернуться из окрестностей Миридика. Уж нарочный с запросом наведывался. Мессир Гуинхаррэн злится, Её Величество тревогу бьёт.

Упырь, кое-как устроенный в седле, влажно захрипел. С порванных губ на подбородок сочилась вязкая тёмная кровь.

– Тревогу? Что так? – нахмурился отрок, с куда большим участием воззрившись на распотрошённое нечто, поименованное старшим Адалином. Фигурой известной и даже легендарной. Слухи вокруг Данимира вились вороньими стаями и часто подтверждались. А нынешний жуткий вид наводил на самые безрадостные размышления. – Постелька выстыла?

– Да будто ты не в курсе! – огрызнулся Астаз, ломая обветренный рот в небрежной ухмылке. И, подтянув ремни, выругался: – Зараза! Ведь верно, шас дух испустит. Надо в Пост! И шибко!

– Куда там! У него башка пробита! – осознав беду, занял солдат.

– И твою пробьют, если мы эту стервь не спасём. – Вампир поспешно подозвал стерегущих окрестность лучников. Дюжина встрепенулась. – Приглядите, чтоб прогорело! – распорядился Астаз, заскакывая в седло. Акация, любимая серая кобыла в белых яблоках, норовисто заплясала на вытоптанных кустах. – Ходу! – прикрикнул навий, мягко тронув конские бока. – Н-но!

Акация всхрипнула и сорвалась в галоп.

В Голоземье, гиблых лиловых пустошах, что подъедали пегие от лишая отроги с юга, не следовало оставлять неприкаянными тела ни соплеменников, ни врагов, даже под самыми крепостными стенами. Проклятое место плодило беспокойных умертвий, как иной подпол – крыс.

Возглавляемый Астазом, обмелевший отряд долетел до Поста в полторы лучины.

Гарнизон Прихоти не сразу сообразил, что творится на сумрачных Холмах. Зажжённые над брустверами²¹ огни освещали лишь подножия стен да рокошущий алый поток рукавов Олвадарани. И вряд ли караульные подоспели бы в срок, кабы не «живучесть» Упыря и странные зарницы, внезапно полыхнувшие над мёртвыми холмами.

Стена встретила верховых гробовым молчанием.

Исполинское крепостное сооружение – памятник обстоятельной домовитости праотцов – высилось рукотворной отвесной грядой промеж двух кряжей, преграждая устье долины. Стоявшую особняком скалу, называемую Ястребиным Когтем и приходившуюся на излом стены, древние зодчие увенчали крепостью с кургузой башней правильной прямоугольной формы, увенчанной плоской, зубчатой макушкой и деревянной конструкцией для дозорных. Крепость нарекли Прихотью и с самого основания редко перестраивали, отчего она, далёкая и мрачная на фоне пепельных небес, хранила отпечаток суровой и грубой воинственности прославленных в балладах дней.

От Когтя к северу уходила вторая часть Поста: стена, рассечённая угрюмыми башнями на равные отрезки и терявшаяся в тумане Лунного кряжа. За пару дней по парапету можно было, не спускаясь в долину, проехать верхом от Стилета к Клыкку, что замыкали хребты по обе стороны.

Ворот укрепление не имело.

Отряд, тем не смущаясь, мчал аккуратно в Стилет, не сбавляя ходу. Грозная вершина скальной крепости, чудовищным медведем-шатуном вздымавшаяся над головой, злорадно наблюдала. Астаз неизменно чувствовал на себе её холодный, злющий взгляд. И уговоры тут не помогали. Вампир не сомневался: скала его ненавидит. И каждый раз, с размаху влетая в седой монолит, минуя зачарованный порог, он ждал, что именно сегодня фокус не сработает, и кто-то не досчитается рук-ног.

Секрет древних зодчих коронные любомудры открывать не спешили, снабжая лишь краткими инструкциями, отчего процесс приятнее не становился. «Сие есть тайна», – важно говорил Коронный Чародей, выпячивая колесом затянутую в парчовый кафтан грудь. И тыкал перстом в небо, будто сам ту тайну сочинял. Астаз подозревал, поганые чароплёты и сами не понимали, что именно сотворили праотцы, и надо ли заклятье подновлять.

Изнутри Стилет напоминал полость улья.

Отряд остановился посреди просторного зала пяти саженей в высоту. Каменные стены, изъязвлённые обрешеченными ходами, прорезали узорами древние письмена. Меркло светящаяся, хитроумная вязь испещрила полированный монолит. Понатыканные тут и там факелы исправно чадили и куда скромнее рассеивали привычный полумрак.

Исполинский холл выступал в качестве передового двора, где нежелательные посетители разом отправились бы под раскалённую смолу. Соответствующая конструкция, устроенная под самым сводом, приводилась в движение с укрытых на верхотуре обходных галерей и вызывала у Астаза не меньшие опасения, чем зачарованный вход. Брусья морёного дуба, железные цепи, ворота и лебёдки снизу казались хлипкими и несуразными, опоры – шаткими, а огромные жбаны – чересчур тяжёлыми.

Вампир предпочитал не смотреть вверх без нужды.

²¹ Так же парпет. Внешняя стенка, венчающая крепостную стену, за которой укрываются обороняющиеся.

В разные стороны от двора разбежались за подъёмными решётками кроличьи норы улиц, отродясь не видавших солнца. Свайные подъёмники из древесины железняка, скрипя цепями, воскрешали в воображении образы орудий пыток и казней.

Бездыханного Данимира устроили на сооружённых из плащей носилках, подняли ярусом выше и уложили в высокой комнате с глухими сводами, соседствовавшей с кордегардией.

Астаз хмурился. Златокудрый, нежной наружности «командир» на вид едва разменял шестнадцать вёсен от роду и, разогнав сквернословный дозор, наперебой спешивший «доложить», тело осматривал уж слишком заполошно. А выглядел немногим живее Упыря.

Оборванный терракотовый кафтан и зелёную тунику пришлось срезать кинжалами, щадя выдернутые из суставов руки и рваное брюхо. А вот ремennую перевязь и форменный, клёпаный пояс с цепями порезать Астаз белокрысому отроку не дал. Ругаясь и сопя, осторожно снял сам и уложил на сундук.

Под рубахой, мокрый от хозяйской крови, нашёлся трясущийся спутник. Зверёк не сразу очухался в астазовой руке, но не преминул куснуть за ладонь.

Разглядывая костенеющий остов из-за плеча золотоволосого «командирчика», вампир окончательно помрачнел и решил с балаганом завязывать. Шутка ли: любимца королевы замучить.

Унимая вопящего, ужом выщегося Спутника, Астаз посоветовал белокрысому «командиру бастиона, старшему вампиру крепости» больного перепоручить владеющим лекарским ремеслом и звать из долины гарнизонных. Потому что, коли язва чернявая околеет тут в «школярскую седмицу», безутешное Величество всенепременно поснимает головы всем причастным, в том числе, и самому Астазу. И разбираться никто не станет, школяр ты или Смотрящий, от скуки перебравший с хмельным и потому за караульными не доглядевший.

Мероприятия эти холерные Гэдэваль Лаэрвиль, недоброй памяти канцлер Стударма, учебного заведения для отпрысков именитых родов и особо отличившихся умников, хвала Князьям, устраивал редко. Вельможным ученичкам предлагалось поддерживать порядок в очищенной от постоянного гарнизона цитадели. Вопиющая неосмотрительность со стороны мессира канцлера. Хорошо, строили древние крепости на века.

Астаз сердито скрипнул зубами.

Горе-студиозусы половину срока ожесточённо бездельничали на вольных хлебах, в относительной безопасности от розог наставников, а вторую, осознав последствия, пытались оные устранить. Троиц с обморожением увезли на телегах, двое потравились, один свалился со стены в потёмках. Не обошлось и без драк.

Но апофеозом стал этот проклятый Данимир.

Караульные, приметив на пустошах зарницу, до последнего надеялись, что это мертвяки добычу делят. Пока Астаз Валдэн, Смотрящий Стилета, для порядка с недорослями оставленный, не вышел на стену помочиться да оказию ту не расшифровал. Весь многодневный хмель с Валдэна тогда как рукой сняло. Караульные, балагурившие на стене, получили по шеям. А Астаз поднял дюжину и выехал в Холмы. Успели они чудом.

Воюя с кусачим горностаем, Валдэн потопал обратно в холл, костеря постылый молодняк и на ходу сочиняя послание в Розу.

Командир-златовласка, тем часом, над полумёртвым собратом уговаривал призванного «лекаря» – такого же зелёного и впечатлительного – поторопиться и, полыхая лихорадочным румянцем, обещал люлей в случае неудачи.

«Целитель» смотрел ошалело, обходил тело широким суеверным кругом, чесал в маковке, кряхтел и воровато косился по сторонам. Вонявшие потрохами и болотиной тряпки он сбросил на пол, а туго скрученный, прокровившийся свиток, разглядев странные печати, всучил подоспевшему с повязками да мазями гарнизонному. И наказал передать командиру. А лучше, отослать непосредственно в Розу, Величеству лучезарному лично в белы рученьки.

Вычищать раны, сшивать плоть и накладывать смердящие териак²² повязки пришлось долго. Пепельный от пережитых страстей целитель уже мысленно простался с головой, когда в дверях показался солдат в стёганом кафтане с полосами чёрной кожи по рукавам и значками постоянного гарнизона Прихоти – увенчанной тремя башнями стеной на серебристом поле.

– Что это? – возмутился гвардеец, не совладав с первым впечатлением.

Лекарь мрачно шмыгнул носом:

– Хворый, – буркнул он, не поднимая глаз.

– Вижу, что не здоровый. – Солдат не без опаски глянул на горе-врачевателя. – Он тебе что, денег должен? Или сестрицу обесчестил?

– Не смешно, – обиделся лекарь, смотреть на дело рук своих по возможности избегая. – Я всё, что мог, сделал...

– Это-то и настораживает, – согласился гарнизонный. – Чародея во всём Стилете не сыскали?

Сочувствие сквозило ехидством, так что лекарь только, потупившись, уныло колупал носком сапога пол. Лучистый²³ осторожно пощупал синюшное плечо и передёрнул собственными. Вампир на столе глухо стонал и кровоточил.

– Он в северной части, недалеко от Клыка: парней холерина забрала, – лекарь развёл руками. – Не ждать же!

– Это да, – протянул гарнизонный, потирая гладкий подбородок. – Астаз тут вообще? Ничего не говорил? – Лучистый навскидку провёл рукой над изувеченными плечами. Жилы сами собой зашевелились. Оттенок синевы слегка переменялся.

– Наказал Микэлю за вами посылать, – отчитался лекарь стылым шепотком. И, ответа не дождавшись, прибавил: – Тут только школяры. Седмица же.

Гарнизонный скрипнул сведёнными челюстями, распрямился и покрутил затёкшей шеей:

– Не иначе, похоронная, – пробурчал он сердито. – Кто решётки на Малом Обходном заклинил? А южный подъёмник поломал? Был бы Милэдон, башку бы снял... остолопам, – явно придержав выражения, солдат угрожающе зыркнул на побелевшего лекаря. – Наигрались, так валите отсюда! Командир же приказал возвращаться.

Отрока как ветром сдуло.

Лучистый проводил того мрачным взглядом и, насвистывая под нос мотивчик «вдовушки» – крестьянской песни о похождениях весёлой молодки, – деловито перетряхнул сваленные на полу тряпки. Изобильная коллекция периаптов²⁴ привлекала внимание. Зачарованные цапки в Златых Вёрстах Дзвенцка, до которых ещё поди доберись, стоили целое состояние. А шаманский навенз²⁵ Драб Варьяна и вовсе не заполучить без высочайшего благоволения старшего Ведуна, вредного, что сам Тёмный Князь.

Натёртый пахучими мазями, замотанный вмиг побуревшими повязками Адалин глухо застонал.

Гвардеец, усевшись внезапно порыва, стибрил всего одну серебряную цепочку с подвесом из оникса, окинул соплеменника сочувственным взглядом и решительно удалился.

²² Лекарство, универсальное противоядие. Здесь: целительный декокт.

²³ Гвардеец Лучистого Стяга, гвардии долины.

²⁴ Амулеты, обереги. Заколдованная вещь, наделявшая обладателя сверхъестественной силой.

²⁵ Узел-оберег.

Глава 7. Стиллет

Седой туман пах мёдом и сухой осокой.

Палевый разлив ласкал колючие холмы, куделью растянувшись по отлогам, карабкался среди лиловых островков вереска, метёлок очерета, завитков папоротника и розеток дурнопьяна. Отрезами изысканного шёлка льнул к ноздреватым монолитам ледяных камней кромлеха. Грубо обтёсанные плиты вставляли хороводом вокруг холма. А в воздухе петляла тихая свирель.

Данимир оглянулся, пытаясь вспомнить, как оказался среди проклятых камней. А заодно и определить источник звука. Пастушеская флейта тлела потайной печалью. Он стоял в самом центре большого круга. Узор из белых, гладко окатанных камней, оттенённый ярким мхом, спиралью разбежался под ногами.

Свирель манила и баюкала. Дурманил голову медовый аромат.

Упырь заметил тени, переходящие от монолита к монолиту за внешним кругом исполнских каменюк. Ломаные силуэты качались, будто танцевали среди тумана и пахучих трав.

До Данимира донёлся тихий, едва уловимый смех.

В прозрачных облаках, мерцая и дwoясь, скользили звёзды. Очень быстро, точно кто-то сматывал в рулон парчовый полог неба. Зелёные небесные огни переливались и дрожали. Адалин потрянул влажными волосами, посмотрел на окровавленный, изрезанный кафтан, на вывернутые руки. И с удивлением отметил, что вряд ли смог бы держаться на ногах в таком состоянии.

– Ты себя недооцениваешь, Упырь, – насмешливо заметила Валтарова голова, подкатившись к сапогам.

Рот колдуна кривился в подобии усмешки или оскала. Волосы впитали столько крови, что хвост почернел. Синие глаза полыхали, как Ставменский маяк.

В медовом аромате проступила соль. Холодный ветер причесал шипящий очерет.

Данимир наклонился и двумя руками поднял ледяную, липкую голову Седьмого Колдуна.

– Зачем ты это сделал, Выжлец? – спросил Упырь хрипло.

Голос не повиновался. Звук вошел тихим, точно шелест сухой листвы по шапке погребального кургана.

– Сделал что? Калейдоскопы? Так то была моя работа, – засмеялась голова. Слепые зенки разгорались всё ярче. – Мой долг по обету. Служить Семи Ветрам и Эрвару, Алмазной Лилии Ллакхара.

– Вы разомкнули Кромку, Валтар, – нахмурился вампир.

Колдун захохотал:

– Нет, Упырь. Это сделал ты. Твоя сабля проткнула явь и запечатала наш знак. Твоя рука сжимала рукоять. Теперь ты Кромешник.

– Какая чушь... – слова застряли в горле.

Кромешник? Страж и заложник Кромки, нечистый дух. Сказка, какой пугают непослушных мальшей.

Танцующие тени скользили всё быстрее. И звёзды превратились в метеоры.

– Узнаешь, Адалин. Всё узнаешь.

Голова Седьмого Колдуна вдруг загорелась, опалив нездешним пламенем лицо и руки Упыря, изжарив грудь и потроха.

Данимир распахнул глаза и попытался сесть. Не тут-то было. Замотанное полосами ткани, покрытое коростой тело повиновалось неохотно. Повязки на животе паскудно побурели. Упырь выругался сквозь стиснутые зубы и уронил затылок обратно на неприветливую твердь стола.

Подкопчѐнный каменный свод и характерный запах сомнений не оставляли: штопали Адалина гарнизонные пьянчуги вампирского Поста. Они же, судя по всему, нашли и куда-то дели треклятый свиток Седьмого Колдуна. Данимир осмотрелся. Голова болела, шея едва шевелилась, а сжать кулаки удалось не с первого раза, и всё же тело потихоньку пробуждалось.

Своей одежды Упырь поблизости не заметил, но на сундуке лежали полотняная рубаха, длинная шерстяная туника с украшенным тесьмой подолом, дублет из тѐмной кожи и ремни аккуратно снятой перевязи с ножнами. На бочке по соседству нѐс печальную вахту одинокий глиняный кувшин. Воняло снадобьями, выстуженным камнем, сырым железом и мышами. В разбросанной по полу прелой соломе кто-то вкрадчиво шуршал. Стену коптил небрежно воткнутый в кольцо факел.

Данимир осторожно пошевелил пальцами, сжал кулаки, согнул локти, повертел кистями. Плоть жгло раскалѐнной кочергой. В боку, в затылке и плечах будто засели шипы. Упырь медленно сел. Стол, напоминавший покойницкий, устроили из уложенных на козлы досок, разгородив пространство «покоев» пополам. В углу на жаровне тлели угли. Оттуда тянуло можжевельником, топлѐным жиром, миррой и анисом. Отметив букет ароматов редкой тошнотворности, Упырь поморщился и попытался угадать, куда безвестный доброхот подевал Валтаровы свитки. Варианты одинаково удручали. Попади записки королеве ли, Гуинхаррѐну иль в Малый Голос, больше их Данимир, конечно, не увидит.

Тяжѐлая, окованная железом дверь приоткрылась с натужным скрипом.

Незнакомый гвардеец, щеголя свеженькими командирскими лычками форменного облачения, пренебрѐг галантными порядками и ввалился без позволения, точно к себе домой. Данимир устремил на вошедшего непроницаемый взгляд, коим потчевал зарвавшуюся челядь. Лучистый пригнул украшенную подвитыми кудрями башку в знак почтения.

– Мессир проснулся, – отметил он остроумно. Упырь считал констатацию очевидных вещей пустой тратой времени, а потому промолчал. – Что ж, славно. Мы тревожились.

– Напрасно, – отозвался, невольно кривясь от гадостного «мы», Адалин.

– Мессир себя не видел. – Молодой командир повторно склонил блестящую в факельном свете макушку и чопорно прикрыл за собой дверь. – Вид был... преотвратный.

– Потрясающе, – тонко улыбнулся Упырь, исподволь разглядывая посетителя.

Прежде Прихотью командовал старший наследник Милѐдон, Зеран. Мракобес и бражник тот ещѐ, но хозяин исправный, да и мечник не из последних, не понаслышке знавший, каким концом вперѐд следует держать саблю. В отличие от лошѐного хлопчика, которого Упырь прежде имел удовольствие наблюдать лишь при дворе Еѐ Величества, среди ему подобных красотуль в щегольских аксамитовых²⁶ кафтанцах да кружевных брыжах.

– Давно я тут? – только и уточнил Адалин.

– Четвѐртый день как, – ответил так и не назвавшийся командир, без спроса садясь на сундук. – Сперва только бредил, хоть мы и напоили мессира свежей кровью. Но вчера чародей принѐс какой-то новый декокт. Как вижу, рецепт оказался удачным.

«Вот ещѐ рецепты декоктов на мне не испытывали, – мрачно подумал Упырь, облизнув полынно горькие, иссохшие струпьями губы. – Того и гляди превратят в мантикору».

– А где мессир Милѐдон? – Кожа под перевязками обнадѐживающе зудела, не пульсировала и не полыхала. Данимир подумал, что уже мог бы удержаться в седле. А значит, с местным гостеприимством можно было и попрощаться.

– Теперь здесь команду я. – Манерный подданный огладил бугристый рисунок богато расшитых обшлагов кафтана. Любовно оправил звякнувший ажурными цепями, изобильно проклѐпанный пояс. – А Милѐдона отправили в долину, – Упырь равнодушно кивнул. – Я... заслужил это место, – зачем-то добавил гвардеец, с вызовом уставившись на соплеменника.

²⁶ Плотная ворсистая, часто узорчатая ткани из шѐлка и золотой или серебряной нити, напоминающая бархат.

– Не сомневаюсь, – отозвался тот бесцветно.

По имени новоиспечённого командира Адалин не помнил, а род по значкам не узнавал. То ли от захудалости оно, то ли от общей незначительности. Представиться же гвардеец так и не надумал.

Зеран Милэдон, старший из четырёх сыновей Белого Генрича, оставался одним из немногих подданных долины, с которыми Данимир водил знакомство в охотку, а не по долгу службы. Упырь, возвращаясь домой, в прежние времена частенько задерживался в Прихоти, по возможности откладывая визит в замок. Нелюбовь старшего Адалина ко двору стала притчей во языцех, тем паче, обласканный Её Величеством подданный почитался желанным и долгожданным гостем в королевских покоях, о чём десятилетиями судачили клятые Дамы.

Отставка Зерана не радовала. Но и тешить надменное непотребство, без спросу взгромоздившееся на сундук, Упырь не собирался.

Свежеиспечённый командир Прихоти представлял зрелище презанимательное: хорошенькое личико с до сих пор не ломаным носом и точёными скулами портил лишь массивный подбородок. Чуть раскосые глаза, под стать какому туалу²⁷, приблудившемуся из волшебной сказки, глядели запальчиво и одухотворённо. А вот придворная стрижка и локоны, подкрученные на железках, в стенах Поста, от кургуазных изысков столь же далёких, как сельский нужник от светлокняжеского терема, выглядели нелепо. По меркам неизменно полупьяного от скуки гарнизона, стерегущего навье пограничье, такой командир – ходячая несурязица, объект солдатского зубоскальства.

Красавчик, плотно стиснув челюсти, тоже взирал на соплеменника с надменным недоумением. Адалин, горбоносый, тощий и жилистый, с иссечённым шрамами лицом, заросший, точно деревенский староста, прекрасно знал, какое впечатление производит.

– Моя преданность угодна Её Величеству, – бросил Лучистый, выпятив грудь колесом. – Наша государыня прозорлива.

– Воистину, – ухмыльнулся Упырь. – Завидная проницательность, что граничит с ясновиденьем. Кому и охранять рубежи, как не юному дарованию, оных не покидавшему. Свежий взгляд, опять же.

– Я... – гвардейчик запальчиво вскинул благородный подбородок. – Я ходил в разъезды!

– Не думал усомниться, – покивал нарочито серьёзный Адалин. – Опасно нынче в Саженцах. Да и вдоль Мрачных Холмов так запросто не погуляешь.

– И что же мессир делал в Голоземье? – пощипывая подвитуя прядку у уха, сварливо ввернул командир.

Данимир задумчиво почесал разбитую скулу и отозвался безразличным, но не терпящим возражений тоном:

– Птиц ловил. Болотных лебедей.

Лучистый вытаращил одухотворённые глаза, нахмурился и, не дождавшись пояснений, сердито отмахнул ухоженной рукой:

– Ладно. Как разведка?

– Какая разведка? – удивился Адалин. – Я птицелов. Куропатки, рябчики. Жар-птицы.

Командир внезапно потерял терпение:

– Довольно шуток, мессир Данимир. Свитки те, что за пазухой были, я в Розу с нарочным послал. И приказал отдать лично в руки Её Величеству.

Упырь мысленно покивал: даже не мессире Гуинхаррэну, заправлявшему коронными прелатами, – самому Величеству, князепосланной и иже с тем. «*И да окутает его тленные кости благодатным покровом зелёная топь*». Адалин не шелохнулся, старательно удержав сквернословие и заморозив лицо равнодушием.

²⁷ Народ, племя, нация. Здесь: обитатели холмов, аналог высших эльфов.

– Давно? – только и уточнил он.

Командир прищурился в потолок, подсчитывая:

– Уже должны прийти. Ответа ждать?

Данимир кратко покачал головой. Единственный ответ, который мог прийти из Розы – придворный палач с отрядом вооружённых гвардейцев. С другой стороны, оплошность эта вполне укладывалась в текущую легенду. Если всё грамотно обставить. Так, как сделал бы это преданный интересам Её Величества преллагатай.

– Тебя долго не было, Адалин, – вдруг заявил безымянный дурень, наморщив лоб под бараньими локонами. – В долине большие перемены. Не один Зеран. Болтают, нынешний Меч Её Величества, Инэваль Аманир, впал в немилость. И гвардию распускают. А динстманны²⁸ при дворе в открытую Лучистых задирают! – пожаловался он.

Вообразив злорадных от природы, по долгу службы поднаторевших в издевательствах над ближним упырей, глумящихся над замковыми щёголями, Адалин удовлетворённо хмыкнул. Подневольные и оттого свирепые, сверх меры буйные рубаки вызывали куда большее сочувствие, чем чванливый, разлагавшийся одесную трона цвет долинной знати.

– Ещё поговаривают, навьи на озёрной равнине пропадать стали, – продолжал молодой гвардеец, стылое выражение морды соплеменника в упор не замечая. – Чаще обычного. И не абы кто, а добрые гвардейцы. Её Величество Королева...

Командир помедлил, зайцем косясь на молчавшего Адалина. Вся спесь с мальчишки разом улетела. Данимир мысленно вздохнул, отметив, что столь зелёных, не оперившихся юнцов отправлять на Пост – верх жестокости. И неосмотрительности. Как бы хорошо не строили защитные сооружения древние, каким бы неприступным не выглядел шедевр фортификации, а управлять оным должен кто-то чуть более опытный и менее... восторженный. Мальчишка же едва ли на много перерос его младшего брата.

– Князепосланная госпожа и повелительница, дивноокая миледи Айрин отстраняет от дел Лучистый Стяг, – выпалил командир. – По совету мессира Тэрглоффа. С сохранением званий и титулов. То вопрос решённый.

Адалин непроницаемо молчал. Известия не радовали, а откровенность подданного – даже пугала. Придворный щёголь хорошо знал, с кем говорит. И подобные разговоры вели напрямиком на шибеницу.

Но мальчишка всё не замолкал:

– При дворе болтают про запрет разездов и разоружение. Но младший брат мессира вот-вот пройдёт гоминиум²⁹. И он тоже жаждет посвятить себя мечу.

Упырь не ответил. Братишкиных порывов он не одобрял, но и осуществлению оных не препятствовал. У Радимира имелась своя голова на плечах, пусть и бестолковая. Припомнив ясные глаза и доверчивую улыбку младшего, Данимир Адалин невольно стиснул зубы. Таким мальчишкам при дворе придётся быстро и болезненно взрослеть.

– Королева мудра, – заметил Упырь тихо, искоса зыркнув на побелевшего командира. – Негоже нам, солдатне малограмотной, в Её решениях сомневаться, приказы Совета обсуждать, – напомнил он почти мягко.

Лучистый, кажется, готов был разрыдаться.

– Выполняй свой долг, гвардеец, – посоветовал Адалин со вздохом, – а дела Совета оставь тем, кто в этом смыслит.

²⁸ Несвободные министерялы, обязанные нести военную службу при господине.

²⁹ Омма́ж (фр. *hommage*), или гоминиум (лат. *homagium* или *hominium*) – одна из церемоний символического характера: присяга, оформлявшая заключение вассального договора.

Глава 8. На берегах Багрянки

Позёмьш, зримо округлившийся на дармовых харчах, лениво прошуршал в сырой соломе, волоча уворованную в погребках заячью тушку. Данимир умывался над бадьёй и, покосившись на хвостатого проныру, невольно усмехнулся:

– Потяжелел ты, скоро сойдёшь на неплохую похлёбку, – заметил он негромко.

Горноста́й, не выпуская из пасти чересчур крупную для него добычу, что-то сквернословно проурчал и проворно спрятался под лавку. Упырь покачал головой.

Умывался он неспешно, нарочно растягивая удовольствие – что-что, а вода в крепостях Поста всегда была отменная, из горных источников, прозрачная и вкусная. Оттого и бражка удавалась.

Не без труда расчесав свалявшиеся вихры, Данимир скрупулёзно выбрал репы из штанов, отчистил сапоги и привёл в порядок саблю. Натирая промасленной тряпицей мягко отливающее рыжиной в факельном свете лезвие, Адалин думал о Кромке, цветном стекле, блестящем среди трав на Мрачных Холмах и решении королевы прекратить разъезды.

Ощущение холерины, притаившейся за поворотом, усиливалось.

За несколько дней без памяти Упырь сильно осунулся, заскорузлые ремни перевязи пришлось подтягивать, чтобы провисшие ножны не царапали пол. Чужой дублет сидел неловко, и Данимир недосчитался одного из периаптов – не учитывая уведённых из-под носа свитков, весьма скромные результаты полуторалетнего отсутствия в долине.

Могучий хвойный лес предгорий встретил одинокого верхового шумной разноголосицей. Протяжным стоном позолоченных солнцем стволов, шорохом седых еловых лап и далёких сосновых шапок, петлявшим в ветвях ясеней сквозняком, птичьим пением и вороньим граем.

Суеверный люд твердил, что в холодных северных горах, за рекой Багрянкой обитали упыри, железозубые еретники и вурдалаки, охочее до крови навье племя. Суеверный люд не сильно ошибался. В долине между Лунным и Ветряным кряжами расположилось вампирье царство, владения синеглазой Равнсварт.

Среди стройных елей, гривастых сосен, пихт, курчавых вязов и застенчивых берёз, точно притаившийся за нужником волколак, хоронились выстроенные воинственными пращурами родовые крепости. Такие же серо-пегие в плешивых облачениях мхов, лишайника и дикого винограда. На склонах гор стены укреплённых зубчатыми башнями поместий посверкивали яркими гербовыми флажками и пиками просмоленных тынов³⁰. Величественный и негостеприимный край пах хвоей, железом и сырым гранитом. Но в едва проклюнувшейся траве уже белели язычки упрямых подснежников, а вдоль вымощенного плотно пригнанными камнями тракта среди щербатых валунов карабкались брусника и морошка.

Данимир откинулся в седле, с удивлением обнаружив на собственном лице небрежное подобие улыбки. В чужих краях он сам не заметил, как соскучился по дому.

Молодое солнце канителью расписало гладкие сосновые стволы, запрыгало по траве кружевными зайчиками. Туман слоистой паклей растянулся по кустам, запутался в корнях и пепельном подросте.

И пусть на южных самоцветных горах, среди белых, изъеденных жилами скал, зеленели заливные луга, прозрачные перелески и кудлатые буковины, в лазурных озёрах плескались русалки и пёстрые рыбы, леса изобиловали дичью, а в расщелинах сторожили зазевавшихся путников крылатые звероящеры, угрюмый северный край неожиданно согревал сердце.

³⁰ Частокол из вбитых в землю жердей или брёвен. Засака.

И земельные притязания Миридика, всем тем лазурно-приветливым богатством владевшего, вызывали большое недоумение.

Но за стены Поста ни колдуны, ни выжлецы пока проникнуть не могли. Разве что домовитые зубастые соседюшки по старой памяти на межу зарились, привечая домены набегам. Ведь промысловое зверьё по дикости своей границы наделов упорно не замечало, вгоня падких до охоты хозяев в тихое бешенство, сопровождаемое зубовным скрежетом и блеском вытращенных зенок.

Нынче в моде были развлечения иного толка: потайные, но ничуть не менее кровопролитные. Сосредотачивались оные под нежным крылышком любезной Государыни, в стенах коронного замка. Там, где исподволь собирали кровавую подать жертвами отравлений, гаррот и узких, ровно спицы, стилетов, что так удобно скрываются в складках придворного платья.

Опускаясь в долину, тракт забирал вправо и выравнивался. Среди разваленных камней, караулом стерёгших дорогу, становилось всё больше обточенных, узорчатых плит, изображавших круги Годоврата и обережные знаки. Скоро появились и первые менгиры Князей с грубым подобием насупленных лиц.

Тёмного и Светлого Князей вместе со Жрицей в долине почитали почти на равных, несмотря на очевидные противоречия. Считалось, навью покровительствует Тёмный. А Ллакхары давно прибрали к алчным рукам и усердно эксплуатировали в проповедях Светлого. Но сметливые вампиры не чурались на всякий случай привечать обоих, а гимны Жрице возносить ежевечерне.

Данимир пустил коня в галоп. Слепые глаза липли дурной болезнью.

По мере приближения к Розе настроение Упыря неумолимо портилось. От легкомысленного благолепия задремавшего в безделье околотка сводило потроха.

Адалин, щурясь, покосился на восток. Среди горных кряжей, овеванный седыми облаками, залёг Граварос, скальный город Орлиного племени.

В стародавние времена, поминаемые современниками безо всякой охоты, долина Олвадарани заключила договор с пернатым народом. И постовые со стороны Волочан денно и ночью маячили в поднебесье, преданные клятве из чистого упрямства и вопреки здравому смыслу. Поскольку дивноокая Государыня уже, кажется, и думать забыла об их существовании.

Упырь мрачно сплюнул под копыта перешедшего на рысь Духа.

Навий народ, сидящий в долине, под защитой Поста и гор, точно девица в тереме или лиходей в порубе, не вызывал уважения. А договоры с колдунами и вовсе раздражали. Алмазная Лилия Ллакхара, тиран Миридика и Семи Ветров, Норт Адальхейн Эрвар ненавидел обитателей этих краёв. Охотно и радостно ловил их, пытал и сажал на пики. С чего вдруг Каменная Роза портовой девкой разлеглась пред этим господином, Адалин не понимал и всё угрюмей тербил ремень сбруи, игнорируя тревогу прядущего ушами жеребца.

«Власть – украшение умной головы и глухая повязка на дурной», – подумал Упырь сердито. И дурных голов в Совете делалось всё больше.

Коронный замок, Каменная Роза, соковище лазурных гор, притягивал пустоголовых, как коровий труп – волков. Знать реяла над Чёрным Троном коршунами, стремясь урвать бенефиций пожирнее да пожётче наподдать клювом ближнему. А синеглазая правительница, сиятельная Айрин Равнсварт, чью пагубную, злую красоту десятилетиями воспевали менестрели от Окуня до золотых степей, потворствовала той грызне. Ведь занятые потайной междуособицей подданные так напоминали резных болванчиков на игровой доске. Упырь усмехнулся: болванчиков – и не всегда резных – надменные, раздутые от спеси Высшие напоминали и ему.

Пресыщенный как придворными околичностями, так и державным обществом, коронный прелагатай долг исполнял с ретивостью завязатого самоубийцы, годами пропадая в чуждальних странах. Лишь бы от призора Канцлера, мягких перин и одеяний златотканых подальше оставаться. Фамильное же гнездо – почти не перестроенный отцом, суровый Ада-

лин, – Упырь посещал так же часто и так же охотно, как душегуб урядника. Или деревенский пастушок – известное на всю округу урочище с еретниками.

В Адалине хозяйствовал младший брат. Но малец как раз учился в Стударме, а имущество фамильное тем часом сберегали кастелян и челядь. И возможно, поместье уже рухнуло или готовилось к тому.

Данимир придержал воронка, размышляя, не наведаться ли в то гнездо, проверить пусто-домок³¹. Немилость, постигшая Милэдона, стальным шипом засела в подреберье. Командир Прихоти покинул пост не случайно. Упырь подозревал, что мессир Тэрглофф, Канцлер Долины недоброй памяти и таковой же сути, примеривается и к нему. А значит, пришло времечко перетряхнуть и перепрятать учинённые в наследных землях тайники. Да и заканчивать с «окрестностью Олвадарани».

Но знаки, колдовство, что описал в тех свитках Валтар...

Просмотреть удалось лишь первые листы, и этого вполне хватило.

Неожиданно для самого себя Упырь потянул ремни упряжи, направив коня по третьему пути, не к Розе и не в Адалин. Налево, аккурат к одной из опрятных, недавно перестроенных крепостей, прикорнувших за сосновой рощей на берегу Багрянки среди садов и мирных пастбищ.

Состоятельные хозяева Благородных умудрялись на диво бестолково, потворствуя придворной моде, перестраивать фамильные владения. И превращали воинственные башни в нарядное безобразие на западный городской манер, что куда больше располагало к праздной созерцательности, чем к успешно выдержанной осаде.

Талайбрин Стрэлэнд, имевший при дворе титул Приказа и исполнявший – или симулировавший, – подле Величества функции сенешаля, одобрял паскудное поветрие обеими загребущими ручонками. А уж Тэрглофф и подавно от радости приплясывал, катам³² очередного «неугодного» сплавляя, да домен переименовывая. Так вышло с Кэрдзэнами, чьи владения после пожара и суда над единственным выжившим наследником тишком перешли Короне.

Ветряной Кряж, дымчатые горы, поросшие лесами, эмалево блестящие потёками искристых ледников, громоздились над пушистыми сосновыми шапками. Лунный, иногда называемый лазурным из-за оттенка выступающих пород, тонул в серебре тумана и низких белых облаков. Розоватый под лучами солнца, неубиваемый тракт вновь запетлял среди расступавшихся стволов и обточенных ветрами, памятных камней. Холодало. Данимир невидяще смотрел на рассечённую лиловыми тенями стёжку, размышляя, какая участь ожидала теперь род Милэдонов.

– Напрасно Белый Генрич домину перестроил, – пробормотал под нос Упырь, сминая жёсткие ремни упряжи бесчувственными, давно огрубевшими пальцами. – Напрасно.

Адалин и сам не знал, хорошая ли это идея – навещать опальное семейство. Вперёд его гнала тревога, ввевшаяся застарелой грязью усталость и нежелание лицезреть двор.

В Розе, несмотря на всю её красу и колдовское очарование синеглазой Равнсварт, прекраснейшей из королев, Данимира одолевала смертная тоска. От вида ясновельможных физиономий, затхлости и ароматов злодеяния, преследовавших по пятам на крытых переходах. От призраков сложивших головы друзей и мёртвого отца.

Ропот быстроводной Багрянки, спешившей прочь из долины, возвестил о приближавшемся конце пути.

Адалин пожал плечами: он мог себе позволить праздную прогулку. И знал, чем оправдать её в глазах Гуинхаррэна и Тэрглоффа. Ведь Упырём его не за красивые глаза прозвали. Глаза тут были совершенно не при чём.

³¹ Мелкая нечисть, поселяющаяся в заброшенных домах.

³² Палач, осуществляющий дознание. Пыточных дел мастер.

Глава 9. Железзубые

Вечеру над Овражками – малым хутором на обомшелом, заросшем очеретом и регулярно подтопляемом берегу Причудины или, как ласково называл речку Старый Домаш, Чудинки – аппетитно запахло праздником. Мамка Загляда отправила в печь пироги, мамка Паруша, засучив рукава, начинала кулебяки, а стрый³³ Добря выкатил из погреба здоровущий, характерно поплёскивавший бочонок.

Мирко, проскользнув в тёплый, распаренный, пропахший скотиной и силосом хлев, привычно вскарабкался по разошедшей лесенке на заваленную сеном повесть, ловко прижимая оттопыренный ворот рубахи. Из-за пазухи время от времени доносилось ласковое блеяние. Прутик родился недавно, был самым маленьким и, как водится, самым любимым. Мирко проводил с хилым козлёнком всё свободное время, коего у паренька оставалось совсем немного. Жителям Овражек редко случалось сидеть сложа руки – подворье требовало сил и усердия. Даже от малышей, а девятилетний Мирко-то почитал себя почти взрослым.

Выпугав вздрагивавшего Прутика из рубашки, мальчик бережно уложил его в тёплое сено. Улыбнулся, погладив выпуклый, пушистый лобик. Козлик смотрел доверчиво, смешно пригибая голову и нелепо растопырив ножки. Мирко какое-то время наблюдал за любимцем, шлёпнувшись на толстые брёвна рядом, потом приподнялся на четвереньки и пополз к стене – поглядеть, что делают на дворе остальные.

Не дополз он всего пары вершков.

Снаружи что-то громко хлопнуло. Истошно завизжало голосом мамки Паруши, забранилось так, как умел только Малой Домаш, в самом Сердаграде некогда гридем³⁴ служивший, да в драке покалеченный. Мирко, присев от неожиданности, заторопился, путаясь коленками в сене. Приник к щели, нарочно ото мха давным-давно вычищенной. Внизу, в причудливых сумерках, с приближением кветеня³⁵ делавшихся всё более прозрачными, творилась какая-то ерунда. Со стороны ляды³⁶, точно стайка неприкаянных чучел, спрыгнувших с жердин, шли люди. Странно шли, ломаясь и дергаясь, а, несмотря на несуразность свою, всё равно шибко. Так что несколько уже через плетень... перевалилось?

Мирко изумлённо вытаращил глаза, предусмотрительно куснув ладонь, чтобы не заорать: нет, не люди брели в сгущавшихся потёмках с вырубки к его родному хутору. Не на людей бранился Домаш, не о них вопила Паруша, суеверно выкликая Хозяина Солнца в заступники.

– Еретники! – ахнул Мирко, слепо на шаривая дрожащего рядом козлёнка. – Железзубые!

Во дворе мужики, похватав, что под руку подвернулось, с топорами да вилами заступили нечисти дорогу. Захлопали ставни, что-то загремело, завыли девки и перепуганная скотина. Вот чего коровы такие зашибленные стояли, а овцы у самой стены сгрудились. Прутик тихонько, жалобно мекнул, шарахаясь от руки. Мирко сердито насупил пшеничные бровки: хоть и маленький, а дурной!

Плетень рухнул.

Страшных гостей оказалось слишком много. Твари пёрли напролом, не обращая внимания на тычки вил и удары топоров, на росчерки косы, которой орудовал могучий Добря. В полумраке, скрадывавшем детали, нападавшие выглядели поспешно слепленными куклами. Но липкий ужас, исходивший от упырей, превращал нелепость в кошмар.

³³ Брат отца, дядя по линии отца.

³⁴ Дружинники, телохранители князя. Гридница (гридня) – помещение для их проживания.

³⁵ Месяц, примерно соответствующий апрелю.

³⁶ Лядо (ляда, лядина, лядинка, от праслав. *lędo) – место вырубки и выжиги леса при разделке лесных угодий под посевы.

Мирко, ухватив-таки несчастного козлёнка поперёк живота, пополз к лестнице. Солома больно кололась сквозь порты. А внизу и чуть в стороне, в избе, завопила Ладка. Не мамка, матушка. Мирко и сам не понял, как услышал сквозь стены и двор. Крик той, что заменила мать, заставил мальчонку дёрнуться, ладони соскользнули, рассыпавшаяся лесенка хрунула. Но падения он не почувствовал, разом взвившись на ноги, опрометью подскочил к воротам.

Рычание, влажный треск и страшная возня снаружи образумили.

Мирко схватил рогатину, не особо приглядываясь, скользнул к щели между неплотно притворёнными створками. Раньше ему надрали бы уши за такое разгильдяйство – того и гляди, скотина разбредётся по всему двору. Теперь он мысленно возблагодарил Хозяина Солнца за промах.

Овраженских мужиков он сперва не увидел. Только странно скрюченные тени, дёргающиеся от поваленного плетня до самых крылец. Потом несколько – за баней – разогнулись, рыча и толкаясь, щелкая друг на друга оскаленными, выпуклыми звериными челюстями. Тут-то Мирко и понял. Ему вдруг стало очень холодно. Рогатина задрожала, словно живая. А створка дёрнулась, больно саданув по плечу. Мальчик подумал, что снова упал, но ворота повторили вероломный манёвр. На сей раз Мирко увернулся.

На пороге, горбача спину, почти доставая когтистыми лапищами до земли, воздвиглось чудище. Не соображая, Мирко отчаянно пихнул тварь рогатиной, проскочил под взвившимися, страшными руками, кубарем выкатился на двор. Налетел на что-то в потёмках. На что-то мягкое, влажное и липкое, податливо разъехавшееся под руками. По обрывкам крашенины да крупным алым бусинам, подвернувшимся под пальцы, Мирко догадался и шархнулся в лопухи, отчаянно сглатывая ухватившую горло дурноту.

Старая Алянка давно бранила «ленивых порозов», которым недосуг выкорчевать «проклятый лес посереде двора». Сейчас «лес» пришёлся кстати. Спрятаться среди могучей ботвы, схорониться от нежити – ха, пустое! Найдут. По запаху. Но собраться с мыслями стоило. Рогатину мальчик выпустил. Обомлевший от страха козлик за пазухой даже не брыкался. Из большой избы ещё доносились разрозненные крики, грохот, а на пропахшем убоиной дворе уже только чавкали. И принюхивались.

Мирко, осенив себя охранным знаком, что было духу выпрыгнул из лопухов, пролетел мимо подобранных для броски тварей, запетлял зайцем между хуторскими постройками, пробиваясь к мельнице. «Чудинка! Причудина! – колотилось в голове у мальчонки. – Добежать до реки!»

Он любил Овражки. Даже после смерти родителей, по зиме волкам доставшихся. И потому, скатившись в прибрежный очерет, отчаянно хлюпая в вязком болотце, но не останавливаясь, сердито растирал по щекам злые слёзы. Мирко был необычным ребёнком. Так говорила мама. Так говорил бабий из соседнего хутора. Так, качая головой, шептала суеверная, но мудрая Алянка. А Загляда прямо называла «маленьким вещуном».

И теперь вещун твёрдо собирался выжить.

Часть 2. Крамола

ТЭРРИ ЛИФ

Иду один, утратив правый путь,
В кругах подземных, как велит обычай,

Средь ужасов и мраков потонуть.
Поток несёт друзей и женщин трупы,
Кой-где мелькнёт молящий взор, иль грудь;
Пощады вопль, иль возглас нежный – скупю
Сорвётся с уст; здесь умерли слова;
Здесь стянута бессмысленно и тупо
Кольцом железной боли голова;
«Песнь Ада» А. Блок. 31 октября 1909.

Глава 1. Почтенное семейство

Милэдон, просторное владение, от прочей сварливой упырьей долины отличалось ухоженностью. Лакомый кусок в не слишком завлекательной топографии, сплошь изъеденной ледниками, вылизанной ветрами и загодя нелюбезной ко всему живому.

Ленники души не чаяли в радетельном господине, а то и личную заинтересованность имели, чем иначе объяснить странное усердие?

Рощи, трепетно сберегаемые, скромные и опрятные вырубки-выработки, любовно расчищаемые, лазоревые, что мечта утопца, озёра, насколько знал Адалин, богатые рыбой и водоплавающей птицей. Аж две собственных мельницы, обе исправные, пивоварня и пашня. Последнее – особенная редкость и повод гордиться, а заодно и опасаться набега завистливых соседей.

Выращивать что-либо, кроме цапапучего, ядовитого бересклета и лебеды в здешних почвах казалось верхом безумия. А всё ж сноровистым хозяйственникам удавалось. И Князь весть каким образом. Ибо тощая супесь окрест изобиловала, разве что, камнями да рытвинами. Ну, и лесом, само собой. Да таким, что за годы ожесточённой борьбы за существование выработал непререкаемую устойчивость ко всем каверзам судьбины, вроде мороза, ураганов, подсечного земледелия и возможного конца света. Почему и рос с самозабвенностью замыта³⁷. Да ещё отбиваться наострился.

Кроме сельскохозяйственной смётки и записной домовитости, старый Генрич отличался ещё и беспробудным гостеприимством. В поместье вечно торчали всевозможные не столь зажиточные кумушки, безземельная родня, далёкая, как шербатый месяц над горами, мутные соседские отпрыски и прозорливые министриалы³⁸, приживальщики, свора вечно голодных динстманнов, портящих местных наследников гульбищами-охотами.

И само несметное семейство.

Младшие братья Одрич, Йонек, Дитуш и Эстэрварт, «тётушки» разных возрастов, от давно окостеневшей Альдэгерды, перемещаемой потомками исключительно по праздникам, до юной, розовощёкой Ингигерд, скакавшей по двору с шалопаями-правнуками старого Милэдона. Средний из четверых сыновей, Луксас, уже успел обзавестись не только детьми, но и внуками. И мелкий Уольрич с робким, угрюмым Генричем Вторым бодро марали в пыли нарядных деревянных коников.

Данимир, подъезжая к обнесённому крепостным забором, благолепному муравейнику, ожидал чего-то подобного, особенно умиляясь настезь растворённым воротам – в полторы пяди толщиной створка. Потому не удивился ни столпотворению, ни взопревшим, вечно торпящимся конюхам, ни гвалту, осенявшему замковый двор. Ведь так и должно выглядеть добротное родовое гнездо. Ну, разве что, поменьше воплей, звона, закипавшей на задах потасовки и, возможно, репы, горой сваленной аккурат посреди мощёного двора.

Объезжая рыже-бурый курган, Адалин обнаружил сломанную телегу, притаившуюся за нарядной свалкой, деловито хрумкающих поклажей лошадей, бранившихся неопрятных сервов с верными мотыгами наголо и Альдэгерды, видимо, позабытой заботливыми родственниками в жутком передвижном кресле на припёке.

Драка затевалась именно тут, при активном участии вовсю костерившей нерадивых остолопов бабуси в бежевом чепце. Упырь фыркнул. Альдэгерда, судя по всему, и в лучшие годы не отличалась кротостью, а уж теперь, с лихвой насладившись жизнью, приобрела все черты

³⁷ Торговая пошлина в городах или торжках с товара, привезенного на продажу, а также с денег (с приезда) на покупку товаров.

³⁸ Министриалы (лат. *ministeriales*, от лат. *ministerium* – должность) – представители мелкого рыцарства, владеющие небольшими земельными участками, на основе домениального права.

хрестоматийной, прямо-таки записной упырицы. Даже несмотря на чепец. С богатым словарным запасом и недурственным воображением.

Внять мудрости веков собралась приличная толпа дворни.

Данимир, препоручив воронка заботам нервно косившего на оглушительную троицу конюха, тоже остановился посмотреть, а вернее, послушать, рассеянно перестёгивая пассивные ремешки да пояс с цепями подтягивая.

Альдэгерда, имевшая изначальное преимущество – несмотря на мотыги, «остолопы» явно робели перед свирепой хозяйкой, – как раз перешла к заковыристым, подчёркнуто непристойным благопожеланиям родне всех присутствующих аж до седьмого колена. С подробностями. И Адалин молча мотал на воображаемый ус изрекаемое, против воли усмехаясь.

– Данимир? – несколько запыхавшийся, чуть не на глазах лиловеющий не то от изумления, не то от удущья Стэван, третий из сыновей Генрича, выскочил откуда-то из-за толпы прямо на Упыря и разом остолбенел, опуская кнут.

Судя по платью, вампир сам едва-едва соскочил с седла. И поездку перед тем имел не менее увлекательную, чем иронично кривящийся гостюшка. Так что пегая, хлопьями, грязюка покрывала подданного аж до осиянной льняными локонами макушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.